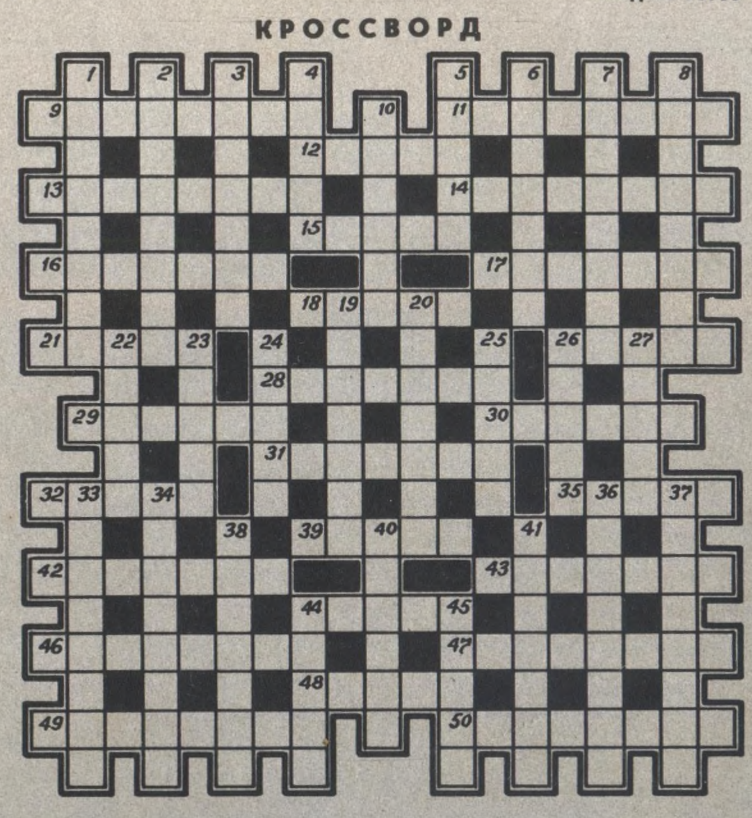
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **9.** Стихотворение М. Ю. Лермонтова. **11.** Рассказ М. Горького. **12.** Хлопчатобумажная или шелковая ткань. **13.** Приспособление для прядения. **14.** Один из бакинских комиссаров, деятелей Бакинской коммуны 1918 г. **15.** Род оптического стекла. **16.** Крытая повозка. **17.** Итальянский композитор XIX в. **18.** Род деревьев или кустарников, сем. маслиновых. **21.** Наружная сторона здания. **26.** Минерал, разновидность агата. **28.** Русский живописец, передвижник. **29.** Ученое звание и должность преподавателей вузов ряда стран. **30.** Русский контр-адмирал, во время русско-японской войны командовал крейсером «Варяг». **31.** Спортивный инвентарь. **32.** Птица сем. журавлеобразных. **35.** Французский драматург, представитель классицизма. **39.** Областной центр на Украине. **42.** Дворцовый ансамбль в Дрездене. **43.** Русский духовой музыкальный инструмент. **44.** Метель. **46.** Командные спортивные соревнования. **47.** Лицо, посылающее почтовое или телеграфное отправление. **48.** Вертикально укрепленное бревно, брус. **49.** Советский певец, выступавший на сцене Большого театра. **50.** Отклонение от нормы.

По вертикали: **1.** Спор, дискуссия. **2.** Раздел языкознания. **3.** Разновидность русской гармони. **4.** Дипломатический представитель. **5.** Раздел текста, рубрика. **6.** Двойное комплексное удобрение. **7.** Датский писатель-сказочник. **8.** Хозяйство, занимающееся размножением и выращиванием растений, животных. **10.** Героиня романа Оноре де Бальзака. **19.** Сильный южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье. **20.** Русский путешественник, тверской купец XV в. **22.** Один из жанров древнерусской литературы. **23.** Определенный режим питания. **24.** Цветок. **25.** Общая работа на судне всей командой. **26.** Официальный документ, содержащий приказ, предписание. **27.** Нидерландский кинорежиссер-документалист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». **33.** Молодежный журнал. **34.** Музыкальная пьеса. **36.** Летательный аппарат. **37.** Государство в Западной Европе. **38.** Спектакль в честь одного из его участников. **40.** Русская мера длины. **41.** Причальный трос. **44.** Малый повествовательный жанр, нравоучительного, сатирического характера. **45.** Удары в колокол, служащие сигналом к сбору людей в случае тревоги.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

11'90 Общественно-политический ежемесячник

Михаил Малютин
ИТОГ И ОСТАТОК

Беседа с Галиной
СТАРОВОЙТОВОЙ

«Петербургские дневники»
Зинаиды ГИППИУС

«У МИКРОФОНА — АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ...»

Слово
об
о. Александре МЕНЕ

**Художник
Борис Смертин**

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как было хорошо дышать тобою в марте
И слышать на дворе, со снегом и хвоей
На солнце, поутру, вне лиц, имен и партий
Ломающее лед дыхание твое!

Казалось, облака несут, плывя на запад,
Народам со дворов, со снегом и хвоей
Журчащий, как ручьи, как солнце, сонный запах
Все здешнее, всю грусть, все русское твое.

И теплая капель, буравя спозаранку
Песок у желобов, грачи, и звон тепла,
Гремели о тебе, о том, что иностранка,
Ты по сердцу себе приют у нас нашла.

Что эта изо всех великих революций
Светлейшая, не станет крови лить; что ей
И кремль люб, и то, что чай тут пьют из блюдца.
Как было хорошо дышать красой твоей!

Казалось, ночь светла, как копоть в катакомбах,
В глубокой тишине последних дней поста
Был слышен дерн и дром, но не был слышен Зомбарт
И грудью всей дышал Социализм Христа.

Смеркалось тут... Меж тем, свинец к вагонным
дверцам
(Сиял апрельский день) — в дали, в чужих краях
Навешивался вспех ганноверцем, ландверцем,
Дышал локомотив. День пел, пчелой роясь.

А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы,
Был слышен бой сердец. И в этой тишине
Почудилось: вдали курьерский несся, пломбы
Тряслись, и взвод курков мерещился стране.

Он,— «С Богом,— кинул, сев; и стал горланить,—
к черту! —
Отчизну увидав,— черт с ней, чего глядеть!
Мы у себя, эй жги, здесь Русь, да будет стерта!
Еще не все сплылось; лей рельсы из людей!

Лети на всех парах! Дыми, дави и мимо!
Покуда целы мы, покуда держит ось.
Здесь не чужбина нам, дави, здесь край родимый,
Здесь так знакомо все, дави, стесненья брось!»

Теперь ты — бунт. Теперь ты — топки полыханье
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блев.

1918

БОРИС ПАСТЕРНАК

11 (480) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 28.09.90. Подписано к печати 11.11.90. Формат 84×108[1]/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,42. Тираж 100 000 экз. Заказ 1208. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—159 / М172(03)—90 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке и вкладках номера: ассамбляж-арт Бориса Смертина

«ДАТЬ НАРОДАМ СВОБОДУ ВЫБОРА»

Беседа с Галиной Старовойтовой

Галина Васильевна Старовойтова — народный депутат СССР и РСФСР, представитель плеяды новых наших политиков. Этносоциолог по специальности, демократ по убеждениям, член Межрегиональной депутатской группы с момента ее образования.

Как и многие, мы узнали о Галине Васильевне вскоре после начала работы первого Съезда народных депутатов СССР. Женщина у микрофона с непривычной тогда резкостью и определенностью предложила признать недействительными результаты выборов членов Верховного Совета СССР от НКАО. Было полное впечатление, что она живет либо в Степанакерте, либо в Ереване. Между тем Старовойтова москвичка, старший научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений при президиуме Академии наук СССР, но народным депутатом СССР избрана действительно в Армении, а народным депутатом РСФСР — в Ленинграде, родном ее городе, где она жила до недавних пор.

Ее смелость, твердость демократических позиций, отсутствие боязни противопоставить себя агрессивно-послушному большинству Съезда вызвали огромное желание познакомиться поближе с этим незаурядным человеком. Мы встречались с Галиной Васильевной не раз и в деловой, и в непринужденной обстановке. Наши беседы носили широкий характер, можно сказать, разговор шел обо всем — и о личном, и о государственном, но прежде всего, конечно, о политике, о наших новых Советах и парламентах, о лидерах перестройки, о ее и их судьбе, о трагических межнациональных конфликтах.

Фрагмент этих бесед предлагаем вниманию читателей «Горизонта».

А. СКОНЕЧНАЯ, Ф. ЦЫПКИНА

— Галина Васильевна, вы являетесь активным членом Межрегиональной депутатской группы. Не могли бы вы рассказать о том, как она создавалась, какова сегодняшняя роль парламентской оппозиции?

— Нас, будущих членов этой группы, свела неудовлетворенность первым Съездом народных депутатов СССР. Видимо, определенное единомыслие...

— А кто был инициатором создания МДГ?

— Ну, точно ответить трудно. Это было наше общее стремление объединиться в неприятии агрессивно-послушного большинства. Первым заговорил на Съезде о нашем объединении Гавриил Харитонович Попов. Официально же заявил о создании Межрегиональной группы в последний день работы Съезда депутат Шаповаленко из Оренбурга. Ему удалось в конце дня прорваться на трибуну, потому что позиция его, в отличие от многих из нас, президиуму была неизвестна. Когда сообразили, куда он клонит, выключили микрофон, но Шаповаленко уже произнес главное.

Меньшинство, оформившееся в Межрегиональную депутатскую группу, сложилось в основном из новичков в политике. Оно было в чем-то нерешительным, в чем-то неопытным, в чем-то наивным. В распоряжении МДГ не было никакого аппарата, отсюда и многие сложности технического, организационного характера.

Были и определенные тактические просчеты. Мы не были готовы к парламентской борьбе так, как прибалтийский корпус депутатов, литовский, например: они заседали ежевечерне, обсуждая итоги прошедшего дня, выстраивая тактику на следующий, вырабатывая общую платформу. И независимо от того, кто из депутатов оказывался на трибуне, его выступление точно соответствовало принятому плану действий. В других депутациях, в МДГ этого, к сожалению, не было. И академик Сахаров, например, семь раз поднимался на трибуну, потому что просто не мог быть уверен, что кто-то его в данном вопросе заменит. В итоге это вызывало раздражение зала...

— И все-таки, Галина Васильевна, нам кажется, что Межрегиональная группа сделала немало важного и, в сущности, за очень небольшой срок?

— Да. Об этом я и собираюсь сейчас сказать. Впервые за 71 год Советской власти, начиная с 18-го года, возникла легальная парламентская оппозиция. После разгрома левых эсеров и меньшевиков, как известно, вся Советская власть была монопартийна. То, что мы оформились совершенно легально,— это, конечно, не просто наша заслуга или наше достижение, это результат того, что делается в стране. Но именно МДГ взяла на себя эту историческую миссию.

Дальше — вспомним, как Сахаров выходил на первом Съезде с идеей отмены пресловутой 6-й статьи Конституции и как свистел, топал ногами этот зал, а может быть, и значительная часть страны у экранов телевизоров. Многим тогда казалось это либо ересью, либо совершенно недостижимым в ближайшее десятилетие. Прошло полгода, чуть больше, и мы уже ее отменили — 6-ю, да и 7-ю статью. И это не единственное, вы знаете, наше предложение, вначале отвергнутое, а затем ставшее официальной политикой. Все это, на мой взгляд, доказывает плодотворность конструктивной оппозиции.

Еще одно наше достижение — мы выявили очень ярких людей, которые за эти месяцы выросли в серьезных политиков.

— В самом деле: Попов и Станкевич — в Моссовете, Ельцин — Председатель Верховного Совета РСФСР, Собчак и Щелканов — в Ленсовете, министрами в Российской Федерации стали Фильшин, Ярошенко, Полторанин, Федоров... Травкин — лидер новой демократической партии...

— Да, хочу добавить к предыдущему: прежние лидеры МДГ отходят из-за своей занятости, зато начинают активнее проявляться как политики новые люди. Назову хотя бы трех академиков: Рыжов, Тихонов, Богомолов...

— Галина Васильевна, какими вопросами вы сейчас занимаетесь в Межрегиональной группе?

— Ну, в основном межнациональными и международными... Межнациональные отношения, думаю, требуют особого разговора. А вот что касается международных, хочу напомнить, к примеру, обращение МДГ по Китаю после известной всем кровавой трагедии на площади Тяньаньмынь. За рубежом распространил это обращение Андрей Дмитриевич Сахаров, там его опубликовали, и оно оказало влияние на мировую общественность. А недавно ко мне как члену МДГ обратились кубинские

товарищи. Они дополнили тревожную информацию с острова Свободы о том, что на Кубе нарушаются основные права человека, что в заключении содержатся сотни людей по политическим мотивам, по обвинению в подрывной деятельности, используются карательные меры против любых попыток инакомыслия. И МДГ приняла обращение к Председателю и членам Государственного Совета, членам Национальной Ассамблеи Республики Куба, в котором, в частности, говорилось: «В то время, как народы СССР, Восточной Европы, Латинской Америки, включая никарагуанцев и чилийцев, отказываются от авторитарных структур и вовлекаются в процесс демократических преобразований, в основе которых лежат общечеловеческие ценности, в единственном социалистическом государстве Западного полушария формируется все более закрытое и изолированное общество». Смысл этого обращения заключался в том, чтобы еще раз напомнить: нам, советским людям, не безразлична судьба кубинского народа...

Я хорошо понимаю, что уважение к суверенитету других стран несовместимо с вмешательством в их внутренние дела. Но это не освобождает нас от необходимости политических оценок происходящего в других странах — тем более, если речь идет о странах, называющих себя социалистическими.

Говоря о задачах, которые стоят перед Межрегиональной группой и демократическим движением в целом, не могу не высказать своей озабоченности по поводу того, что, на мой взгляд, два социальных слоя у нас пока мало задействованы в политике: это рабочий класс и молодежь. Ведь бастующие шахтеры, выдвигающие наряду с экономическими и политические требования,— лишь небольшая часть рабочих страны. Что же касается молодежи, то смотрите — в восточноевропейских революциях самыми активными были студенты, молодежь. А у нас? 25 февраля в Москве среди сотен тысяч демонстрантов шло всего 150 студентов! На всю Москву! Они, правда, несли хорошие лозунги, в траурной рамке 6-ю статью Конституции и т. д., но их было всего 150. О чем это говорит? О том, что молодежь наша в массе своей пока равнодушна к политике. Но, кроме того, это еще и неверие. Я сужу по своему сыну, который абсолютно далек от политики и говорит: на этом историческом витке вы никогда не победите. Наверно, он выражает мнение многих 20-летних. И мы должны идти и работать с ними...

Но есть и сдвиги, особенно в республиках. Студенты Киева, Еревана и других городов объявляли голодовки с политическими требованиями. А 13 мая большая группа московских студентов провела на Воробьевых горах суточную голодовку в знак международной поддержки китайских студентов.

— Галина Васильевна, было бы интересно услышать ваше мнение о Председателе российского парламента Б. Н. Ельцине. Ведь вы его хорошо знаете по совместной работе в Межрегиональной группе.

— Ельцина часто называют лидером популистского толка. Да, я, пожалуй, с этим согласна, тем более что слово «популизм» однокоренное со словом «популярный». И я не вижу в этой характеристике негативного смысла, тем более применительно к нашим условиям.

Популизм — важная составная часть нашей новорожденной демократии. Благодаря популизму Ельцина, Гдляна, Иванова и других многие люди проснулись от спячки, проснулись к политической жизни. И для нашей страны в отличие, скажем, от Европы это явление сегодня прогрессивное. Кроме того, Борис Николаевич — очень масштабная фигура, потому что, будучи партработником, решился на резкие перемены в

своей жизни, решился порвать с этой средой, обнажив ее язвы, и этот незаурядный мужественный шаг потребовал от него, конечно, больших душевных сил. Не каждый бы на такое отважился.

Пусть он не во всех вопросах компетентен, но Борис Николаевич готов слушать экспертов, способен учиться. Мы видели, как он вырос на протяжении года: бывший партработник стал настоящим оратором, написал смелую книгу, оставался верен себе, выступая и за рубежом.

Ельцин — человек неостановившийся, живой, восприимчивый, и в этом смысле он внушает к себе уважение. Борис Николаевич стал символом многих позитивных процессов, и надо беречь этот символ, беречь тот ореол, который есть вокруг него. Всех нас, левых радикалов, часто ставят в провокационные ситуации, но все-таки, если уж вышел на арену политической борьбы, надо быть всегда начеку — и здесь, и за рубежом.

Я считаю: сегодня, в условиях существующего расклада политических сил, Борис Николаевич Ельцин — лучшая фигура для Президента РСФСР. Другого пока не вижу. Возможно, завтрашний день выдвинет такие проблемы, что нужны будут другие лидеры.

Время идет сейчас очень быстро, требования к политическим деятелям повышаются, так как растет политический уровень народа. России, по-моему, очень скоро станут необходимы европейски образованные просвещенные лидеры, способные нести тяжкое бремя ответственности.

Уверена, что такие подрастают и вот-вот появятся. Некоторые наши молодые из МДГ уже обладают частью важнейших для лидера качеств: Болдырев, Станкевич, Мурашов, Левашов и др. Плеяда молодых политиков подрастает, и час ее настанет.

— А как вы относитесь к М. С. Горбачеву?

— Вспомним его биографию. Сельский мальчик, выросший в станице, которую задела война. Горбачев 31-го года рождения, то есть, когда она кончилась, ему было 14 лет.

Из провинции он едет в Москву в 49-м году. Поступает в университет на юридический факультет. В то самое время, когда свирепствует бериевщина. Почему юрфак мог быть престижным для сельского мальчика? Мне кажется, это показательно для людей, стремящихся к власти. Ведь принадлежность к правоохранительным органам тогда означала бесконтрольную власть.

Он был в студенчестве, как это теперь известно из рассказов его сокурсников, неплохим актером в любительском театре. Да и сейчас мы видим в нем актерские способности; вовремя улыбнуться, расположить к себе.

В университете вступает в партию, а дальше делает типичную комсомольско-партийную карьеру. Никем никогда, кроме партийного аппаратчика, он не работал. Значит, имеет специфический навык и кругозор. Все это не помешало ему, однако, как масштабному человеку и большому политику, откликнуться на происходящие в мире перемены, начать у нас процесс реформ, процесс перестройки, хотя, затевая все, он, конечно, не представлял, куда заведет страну и его самого этот процесс и в какой мере он окажется неуправляемым.

В 1985 году Горбачев — Генеральный секретарь ЦК КПСС. Это было другое общество и другая партия, нежели теперь. Естественно, он вырос из недр старого общества, из недр партократии, номенклатуры, и поэтому исторически, объективно его реформаторские возможности,

конечно, ограничены. Он лидер до недавнего времени монопольной партии, которая, сумев начать перестройку, не способна ее завершить. По мере освобождения от тоталитарного режима все очевиднее для народа становится нелегитимность монопартийной власти. Прозрение это ускоряют процессы, происходящие в Восточной Европе. Я думаю, что Горбачев на сегодня исчерпал свои возможности демократических преобразований, это объективный фактор, потому что Михаил Сергеевич связан, повторюсь, со старыми структурами и с прежней идеологией ленинизма, к которой общество начинает подходить сейчас критически. Может произойти то, что я называю синдромом Эгона — Кренца, воспользовавшись выражением моего друга Николая Руденского. Новый лидер, пришедший в ГДР на смену Хоннекеру, коррумпированному партократу, начинает процесс реформ, останавливает готовящийся расстрел демонстрации в Лейпциге, делает разные положительные шаги, находится три месяца у власти, но потом, выпустив джинна из бутылки, сам оказывается за бортом событий. Он начал реформы и был сметен революционной стихией, которой уже не мог управлять.

Приведу другую, тоже, кстати, немецкую параллель — денацификации Германии: когда фашизм был побежден, всем стало ясно, что никто из прежней системы не может возглавлять новую Германию.

В процессе освобождения от старых моделей социализма и коммунизма и в нашей стране, и в Восточной Европе никто из деятелей того периода вскоре просто не сможет морально возглавлять это движение. И если вернуться к Горбачеву, опять скажу: признавая величину его личности и значение его как реформатора, начавшего революционный процесс, думаю — объективно, в силу исторических условий, он не сможет завершить его, если не сумеет преодолеть самого себя. И дело даже не в том, что он действовал в той системе. Для меня это непринципиально. Ведь Хрущев тоже был участником многих событий прошлого, однако это не помешало ему развенчать культ личности Сталина. И можно было бы дать какую-то индульгенцию на прошлое лидеру такого типа, не разбираясь особенно в этом прошлом. Но гораздо труднее Горбачеву порвать со своим старым идеологическим багажом. И его скорее можно скомпрометировать не обвинениями типа гдляновских, а его же собственными выступлениями во времена Брежнева, когда он был секретарем ЦК КПСС. Да и теперь, даже в последних своих речах, Горбачев продолжает держаться за догмы, от которых народ начинает отказываться.

Думаю, что он может даже стать объективным тормозом процесса перестройки, демократизации, как это ни парадоксально звучит. Это мы видим, в частности, в его отношении к республикам Прибалтики, где он попытался проводить силовую имперскую политику, не посчитавшись ни с какими моральными, нравственными моментами. Это, конечно, уменьшает число его поклонников за рубежом, да и у нас в стране. А его нападки на парламентскую оппозицию, на инакомыслящих, на Демплатформу в КПСС?! Причина все в том же — в неполноте отказа от ошибок прошлого. Или, например, его нерешительные шажки по возвращению гражданства людям культуры, искусства, общественным деятелям?!

В то же время себя он защитил на пять лет вперед, придав какую-то видимость легитимности своей власти. Понимая ненадежность партийных структур, сделал все, чтобы быть избранным Президентом на Съезде народных депутатов СССР, окружил себя Президентским советом, который является не выборным органом, а органом подобранных, видимо, по принципу духовной близости людей. Они разные, конечно,

должен же он выражать свою центристскую политику. Хотя я замечаю в Президентском совете некий перекос в сторону правых, потому что Горбачев включил в него выразителей так называемых «национал-патриотических» сил, не взяв никого из имевшего успех на выборах в РСФСР блока «Демократическая Россия». То есть обозначил тем самым, и это очень опасно, боязнь демократических сил.

У Горбачева появились подозрительность, недоверие. Недоверие к народу в целом, к своему окружению. Я уже не говорю об отношении к оппозиции. Его конфликт с Межрегиональной депутатской группой на Верховном Совете 27 февраля 1990 года мы назвали «черным вторником», а жанр нашего послания Горбачеву — «последнее письмо любви перед разводом», где мы писали: «Нас тревожит увеличивающееся непонимание наших взглядов и целей, нашей политической позиции. Это непонимание стало особенно явным после заседания 27 февраля, когда мы обозначили нашу точку зрения на институт президентства в СССР. Нам кажется, что многое в этот день было сказано Вами в сердцах и не отражает Вашей окончательной позиции — например, утверждение о том, что консенсус в зале заседаний Верховного Совета уже недостижим. Резкость Ваших выражений встревожила не только присутствовавших депутатов, но и миллионы телезрителей — наших избирателей, доверивших нам с Вами судьбу страны. Особенно опасным в нынешней нестабильной обстановке нам представляется подозрительность, с которой Вы отнеслись к значительной части депутатского корпуса,— черта, вообще противопоказанная большому политику, каким Вы, несомненно, являетесь. Склонность усматривать злой умысел или заговор в действиях соратников, как известно, не раз играла трагическую роль в древней и новейшей истории России. Политик, как нам кажется, может позволить себе многое — но не власть эмоций над собой и не обидчивость, которая делает невозможным главное в искусстве политической деятельности — компромисс... Мы вынуждены заявить Вам, Михаил Сергеевич, что публичное употребление выражений типа «рвущиеся к власти», «безответственные люди», «подбрасывающие провокационные идеи» и тому подобных применительно к народным депутатам СССР, Вашим коллегам, облеченным доверием тысяч и тысяч избирателей, представляется нам недопустимым. Непризнание прав парламентского меньшинства мы не можем оценить иначе, как анахронизм и политическую близорукость, впрочем, возможно, естественные для нашей новорожденной демократии...»

А разве не выражение недоверия Моссовету — указ Президента о проведении манифестаций и митингов только за пределами Садового кольца?!

Наконец, я не могу не сказать о первомайской демонстрации. Первого мая я тоже была на Красной площади среди демонстрантов и видела лозунги типа «Долой КПСС», «Долой КГБ». Но это не дает оснований Президенту публично высказывать предположение о том, что некоторые силы готовы были штурмовать Кремль и Лубянку. Его, видимо, умышленно неправильно информируют. Около Красной площади я видела вооруженных автоматами солдат с погонами внутренних войск (ВВ). На мой вопрос, будут ли они стрелять в людей после соответствующего приказа, юноши ответили: «Да, если те будут стрелять в нас». Но наша демонстрация была мирной. Разве пекинские события не учат всех нас уму-разуму?

— Межнациональные отношения сегодня находятся в центре внимания, волнуют всех, а вас как этносоциолога, конечно, особенно. Каким вам видится выход из кризиса?

— Необходимо обеспечить подлинное равенство народов, устранить многоступенчатую иерархическую структуру, обеспечив всем народам возможность прямого выхода на центр, прямого представительства в центральных органах власти. Вместо имеющегося разделения: союзная республика, автономная республика, автономная область и автономный округ — оставить только один тип национально-государственного образования — союзную республику. Независимо от ее территории, численности населения, наличия внешних границ. Есть точка зрения: чтобы форму национальной государственности выбирали сами народы путем плебисцита. Но если у народа есть возможность выбора между автономной областью (мы знаем по Карабаху, сколь малыми правами обладает автономная область) и союзной республикой, то неужели какой-нибудь народ сочтет, что он недостаточно дозрел до того, чтобы выбрать высшую форму национальной государственности? Если какой-нибудь народ на это и не пойдет, то он сделает это только под давлением. Так что реально: если дать народам свободу выбора, то каждый из них выберет высшую форму, я в этом уверена.

И тут необходимо сказать об особом положении России. Россия — это федерация в федерации, и если бы изложенный выше проект был реализован, все автономии — а их 31 на территории России — обрели бы самостоятельность, и, таким образом, выделилась бы и сама Россия как таковая. В этом случае, вероятно, ей было бы легче решать свои проблемы: демографические, культурные, экологические, которых у России очень много...

Я не во всем согласна с А. И. Солженицыным по поводу того, как нам обустроить Россию. Но мне близок его взгляд на развитие нашей провинции — расцвет страны решительно зависит от глубинки. Надо помочь провинции уйти от нивелирующей серости, возродить во всем этнокультурном своеобразии Урал и Русский Север, Забайкалье и обе Сибири, юг российской Европы и Сахалин. Сегодняшний гигантский левиафан этого решить не может...

Что касается создания новых государственных форм у тех народов, которые никогда их не имели на нашей территории,— этот механизм как следует еще не проработан. Для этих народов, по моему мнению, возможна для начала форма широкой национально-культурной автономии.

— Галина Васильевна, ну а если республики одна за другой захотят выйти из Союза?

— Я считаю, что решение проблемы выхода из СССР — дело самих народов. Право народов на самоопределение — общечеловеческая ценность, которая выше идеи целостности государства.

— А почему сегодня, когда европейские страны стремятся к объединению, у нас происходит обратный процесс?

— Да потому, что по сравнению с Европой мы находимся на предыдущем этапе, на той стадии, которую Чингиз Айтматов очень точно выразил словами: «Сегодня каждая нация хочет быть не только сытой, но и вечной». Да, сегодня она хочет этого. А завтра, возможно, будет стремиться слиться со всем человечеством...

Строительство правового государства связывается у людей с национальным возрождением. Для нас такой процесс особенно актуален, мы эту стадию не прошли, перескочили в своем историческом энтузиазме. История не прощает подобных прыжков. Все это нам сейчас аукается.

Национальные проблемы обострили преступления сталинизма, которые были допущены не только в отношении отдельных людей, но и в отношении целых народов — переселение с исконных территорий, массовое уничтожение национальной интеллигенции...

— А каковы, на ваш взгляд, неотложные меры по урегулированию межнациональных конфликтов?

— Я бы, пожалуй, выделила вот что. Должна быть установлена очередность решения национальных проблем, чтобы дать людям надежду и тем успокоить страсти. Они выходят на площади, потому что не видят, как еще привлечь внимание к своим проблемам. Если бы они знали, что, скажем, через год их вопрос будет в повестке дня, они бы тем временем готовили проекты, консультировались с экспертами. Люди могли бы еще потерпеть, если бы ясно видели перспективу...

Нужно искать людей, готовых не только говорить с позиций интересов своего народа — это уже стало хорошим тоном,— но и умеющих стать на точку зрения другого народа. И такие люди есть. Нужно создавать согласительные комиссии для разрешения за «круглым столом» спорных ситуаций между республиками.

Увы, нужно признать, что национальные проблемы всплыли в такой острой форме довольно неожиданно для верхних эшелонов власти, для экспертов-специалистов, для журналистов. Самое страшное, что незнание, подсознательное следование стереотипам проникает в содержание материалов, публикуемых в печати, оказывает влияние на политические решения. Например, вульгарные экономические объяснения по принципу: дайте колбасы Карабаху, и он успокоится. Меры правительства по социально-экономическому развитию Нагорного Карабаха пошли вслед за этой версией еще в марте 1988 года. Но без принципиального политического решения вопроса они оказались неэффективными. Весь зарубежный опыт показывает, что этих мер недостаточно: в Ольстере колбаса не распределяется по талонам и тем не менее там уже много лет не затихает этноконфессиональный конфликт.

Другая версия, которая тоже принесла много вреда,— это версия заговора. Заговора мафии или коррумпированных элементов, заметающих свои следы отвлекающими маневрами в виде национальных движений или даже «жидо-масонского заговора». Если поверить в заговор мафии, мы вправе спросить у правоохранительных органов: почему же никто из руководителей этой мафии до сих пор не на скамье подсудимых? Версии уже несколько лет, так положите доказательства на стол. Версия же «масонского заговора» восходит к очень глубинным архаическим слоям обыденного сознания, согласно которым во всех неудачах, неурожаях, морах, эпидемиях всегда виновен колдун из соседнего племени, и достаточно его устранить, как все будет в порядке.

— Галина Васильевна, сейчас особенно часто можно услышать или прочесть на страницах газет и журналов слово «экстремист». Не кажется ли вам, что истинный смысл этого термина нередко искажается?

— Что такое экстремист? Экстремист — это сторонник экстремистских методов, как правило, насильственных. А у нас экстремистами объявляются лидеры национальных движений. Столь вольное употребление этого термина становится уже даже смешным. В Армении сразу появились визитные карточки, где под именем и фамилией четко выведено: «экстремист». А президент Армянской академии наук Виктор Амбарцумян на пленуме ЦК компартии республики в марте 1988 года, представляясь, перечислил все свои титулы и закончил — «экстремист».

Я уже упоминала, что 23 марта 1988 года «Правда» опубликовала статью под названием «Эмоции и разум» за тремя подписями, в том числе собкора «Правды» по Армении Аракеляна, который обратился после этого с письмом к тогдашнему главному редактору «Правды» Виктору Афанасьеву. Он писал, что не согласен ни с одним словом этой публикации. Материал, вышедший в «Правде», резко отличался от чернового варианта, в котором он участвовал. Аракелян был отстранен от работы, а на улицах Еревана сжигали эти номера «Правды». В городе произошел массовый отказ от подписки на «Правду». Теперь эту газету почти не читают не только в Ереване, но и в Грузии, на Западной Украине... Когда мне ныне накануне Дня печати 5 мая позвонила по телефону какая-то вежливая дама и пригласила на встречу газеты с читательской аудиторией на ВДНХ, я отказалась. Отказалась, потому что главная газета правящей партии, имея смелость называть себя «Правдой», не имеет смелости писать правду.

В Закавказских республиках давно разочаровались в центральной прессе и телевидении. В Грузии, например, после программы «Время» идет свой комментарий к событиям и отмечается: вот то-то и то-то в программе «Время» было сказано неверно. Думаю, что адекватное освещение событий в Прибалтийских республиках, возможно, затормозило бы те процессы, которые происходят там сейчас.

Конечно, я понимаю, что не пресса сама по себе, не какой-то анонимный ТАСС виноваты в происходящем, а силы, которые стоят за ними. В самом деле — что такое этот ТАСС? Телеграфное агентство Советского Союза, то есть агентство, выражающее позицию государства, всегда анонимную, всегда непроверяемую, то и дело сообщающее из республик информацию либо неполную, либо недостоверную. Думаю, что проблема упирается не только в профессиональную этику журналистов, а во все ту же проблему власти. Хотя журналисты могли бы при всем том и в наших условиях несвободы писать правду, либо уж лучше не говорить ничего. К сожалению, лишь немногие стараются сказать всю правду о трагических событиях, как это сделал Юрий Рост, который 9 апреля был в Тбилиси...

Национальные чувства особенно ранимы, и я хочу призвать журналистов приложить свою долю усилий, чтобы вернуть в наше общество, в нашу национальную политику хоть частичку морали и восстановить добрые отношения между народами.

— А что вы скажете, Галина Васильевна, по поводу нынешнего употребления таких терминов, как «патриотизм», «космополитизм», «интернационализм», «национализм»?

— Здесь налицо те же стереотипы мышления, сложившегося за 70 лет. И опять-таки виноваты в этом не только журналисты, а прежде всего наши обществоведы. Сегодня, увы, все эти термины употребляются так или иначе с негативными оттенками, идет спекуляция этими словами, спекуляция с опасными последствиями.

«Патриоты» ругают «космополитов» почище, чем во времена сталинской кампании. Хотя «космополит» буквально означает «человек мира». Космополитами себя считали Маркс, Энгельс, Герцен, Белинский... «Патриот» — тоже слово хорошее, патриотизм — это чувство любви к Родине, но эти понятия, к сожалению, демагогически извращенно используют люди, разделяющие взгляды общества «Память» или примыкающие к нему. Очень бы хотелось, чтобы мы вернули истинный смысл этих высоких понятий.

Пора уже, считаю, реабилитировать и «космополитизм», воспитывать в молодых умение глобально мыслить, подходить к проблемам с точки зрения общечеловеческих ценностей...

— Всем нам известно, что и в Москве, и во многих наших других городах страдают тысячи людей, лишившихся крова, средств к существованию, работы. Все осталось там, где еще вчера был их дом, а сегодня сохранилось лишь воспоминание пережитого кошмара. Как же все-таки можно помочь им, ведь беженцы вызывают у некоторых людей злобу и ненависть вместо сострадания и участия?

— Да, к сожалению, это так, и первопричина всего — безнравственность политики. До сих пор многие не могут понять, что трагедия стряслась не только с беженцами, а со всеми нами — это общая беда. Я поражена, с какой безответственностью собирались решить эту кровоточащую проблему — беженцев «стимулировали» к отъезду на их историческую родину. Беженцев из Азербайджана должна, значит, расселить и трудоустроить разрушенная землетрясением Армения?!

Как этнограф я прекрасно сознаю бездонную сложность этой проблемы. Сегодня около 60 миллионов человек проживает не на территории своей республики... А мы и в этом вопросе пребываем в позе страуса, спрятавшего голову в песок. Никаких серьезных выводов не делаем из своего же трагического опыта. Нужна мудрая фундаментальная концепция для решения судьбы беженцев, нужна опережающая политика...

Пока мы не признаем, что кровавые трагедии, которые стыдливо именуем «межнациональными конфликтами»,— это настоящий геноцид, пока на самом высоком уровне не наступит покаяние, проблема беженцев из тупика не выйдет. Слово «геноцид» не раз произносилось на Верховном Совете, но официально это явление так и не признано. Я внимательно изучила конвенцию ООН о геноциде, которую СССР подписал. Так вот, там в статье 4 есть специальная оговорка: геноцидом считаются не только действия властей, но и преследования, осуществляемые частными лицами...

Беженцы — это ведь глубоко травмированные люди, каждому, наверно, нужна помощь психолога или священника. А чиновники не хотят, да и не могут войти в положение этих людей. Сами же беженцы, увы, наивно надеются, что государство все за них решит. И эти иллюзии, эта инфантильность людей — тоже вина государства, воспитания. Помню, после землетрясения в Спитаке я спросила врача из итальянского госпиталя: в чем он видит психологические особенности наших больных? Он сказал: поразительная пассивность, вплоть до того, что человек ждет, пока врач переложит ему раненую ногу с места на место. «Ваши люди все время ждут чего-то извне и очень мало полагаются на себя».

В постпредствах, в гостиницах наряду с больными и старыми людьми месяцами живут молодые, сильные мужчины. Что они делают? Просто ждут! Ставлю себя на их место. Да я бы двух дней не стала ждать «манны небесной». Сказала бы себе: я здесь как в эмиграции, в чужой стране, пошла бы мыть посуду в столовую, устроилась бы в кооператив, где не требуется прописка. Мы ругаем американскую систему с ее жесткой конкуренцией, на самом деле это более здоровый подход, чем создавать у людей иллюзию социальной защищенности, а потом бросать их на произвол судьбы...

Михаил Малютин

ИТОГ И ОСТАТОК

КПСС к семьдесят третьей годовщине взятия власти

Произнося слово «КПСС», изначально попадаешь в своего рода заколдованное царство, мир мистифицированных реальностей, заниматься которыми с точки зрения объективной науки еще год-другой назад было, скажем прямо, небезопасно. К тому же кто-то довольно точно сказал, что неизвестно, кто первым открыл воду, ясно только, что это были не рыбы... Для людей, которые жили годами и поколениями в «мире наизнанку» и просто не представляли себе в абсолютном большинстве самой возможности существования иного порядка вещей (как чего-то практически осуществимого в своей жизни, а не в светлом будущем), наступило нынче трудное время переоценки ценностей, сопровождающееся взрывом эмоций масс, осознавших наконец (хотя еще и не до конца), в какой степени их дурачили. Так что время для спокойного подведения итогов Великого Эксперимента опять не самое подходящее, хотя уже по причинам диаметрального характера. Однако пробовать надо, иначе становится слишком велик риск, что один миф мы просто заменим другим и начнем приносить жертвы новым идолам, гарантирующим нам очередное чудесное избавление от нынешних неприятностей. Тем более, что люди, которых наша прежняя пропагандистская машина выдавала нам за антикоммунистов № 1 (З. Бжезинского, к примеру), в гуманистическом потенциале марксистской версии коммунистического идеала, оказывается, никогда не сомневались, а непримиримо воевали против методов его практического внедрения (тем более вредных и опасных, ибо этим идеалом прикрывались; об этой разнице между простым и понятным гитлеризмом, где цель и средства находились в полной гармонии, и большевизмом-сталинизмом, хорошо писал еще Р. Арон). Можно, конечно, сказать, что профессиональные антикоммунисты боятся остаться без объекта работы, но, наблюдая, как Герои Социалистического Труда, работники аппарата ЦК КПСС и многочисленные доктора марксистско-ленинских наук сожгли публично то, чему прежде поклонялись и начали истово поклоняться тому, что сжигали, хотелось бы призвать читателя только к одному: задуматься собственной головой над происходящим. Разумеется, в том, что эти люди предлагают, есть много здравого, а в идеологии, которой они руководствуются, заключен серьезный гуманистический и освободительный потенциал (они — ее носители — могут, конечно, утверждать, что за деидеологизацию и ничего, кроме общечеловеческих ценностей на уровне целей и прагматизма, в средствах за душой не имеют; культурному человеку позволительно в этих утверждениях усомниться и назвать в первом приближении эту программу ее классическим именем «либерализм»). Вот только не оказалась бы в очередной раз благими намерениями дорога в ад вымощена!

На это мне, естественно, можно возразить: как можно задумываться над такими тонкостями в то время, когда партократия еще так сильна, плетет заговоры против все еще никак не разродящихся рынка и свободы и т. п. Не лучше ли, пока не поздно, сплотиться всем демократам в мощную организацию с целью свержения тоталитаризма! Уже три года я слышу этот призыв из рядов «партии Ильиничны» (так непочтительно неформалы для простоты именуют Демократический союз во главе с Валерией Новодворской), с весны 1990 примерно к тому же (в том числе и бывших коммунистов) призывает «новая антикоммунистическая партия Ильича» (Демократическая партия Николая Травкина, которая действительно первой, похоже, переросла уровень неформальной супертусовки). Но дело не только в сходстве отчеств и некоторых методов работы при вопиющих «с точностью до наоборот» расхождений в идеологии со знаменитой «партией нового типа» современных «партий новейшего типа». Позволительно если не усомниться вконец, то хотя бы задуматься над проблемой: а действительно ли представляет из себя КПСС хоть какую-нибудь реальную политическую силу! И не «вообще», а на рубеже своей 73-й годовщины завоевания власти! Как у человека, около двух лет (и не каких-нибудь, а 1989—1990 гг.) проработавшего в высшей партийной школе, а усилия по реформированию данной организации начавшего предпринимать с момента вступления в нее в 1987 году, сразу после ее январского пленума, у меня накопился изрядный опыт размышлений на данную тему, с которым и хотелось бы вкратце познакомить читателя [1].

Сначала все-таки придется несколько задержаться на нынешнем названии организации КПСС, которое в настоящее время приходится дешифровать. Дело не только в том, что в организации, именующей себя «коммунистической», при ближайшем рассмотрении оказались представители любых идейных течений — от анархистов до монархистов, от либералов до сталинистов, от космополитов до фундаменталистов (перечень можно продолжать до второго пришествия коммунизма). Это как раз дело понятное — раз в стране существовала только одна организация, монополизировавшая занятия политикой, всем личностям, желавшим ею заниматься легально, приходилось в нее вступать; по мере формирования более или менее нормального политического спектра люди соответствующих убеждений понемногу рассосутся по «своим» организациям, и упрекать их в беспринципности, приговаривая тем самым к отлучению от политики, могут с чистой совестью довольно немногие (несколько десятков, по максимуму — несколько сот политзаключенных и политэмигрантов, на компромиссы с властью никогда не шедшие; но в большинстве республик страны эта категория лиц заметной роли в политике не играет). Но все-таки стоит попытаться в принципиальном плане ответить на вопрос: имеет ли право КПСС или КП РСФСР в принципе именовать себя коммунистической! По-моему — нет, и это обстоятельство стало ясно даже некоторым делегатам второго этапа российского съезда, состоявшегося в сентябре, к началу работы которого многие делегаты соответствующих убеждений уже покинули организацию. Лидер российских комсомольцев с присущей молодому человеку простотой и незамысловатостью поинтересовался у старших товарищей, почему это в их программе действий столько внимания уделено недопустимости возрождения эксплуа-

---

[1] Почти ничего на эту тему по-русски опубликовать пока не удалось, некоторые статьи вышли в Германии и Чехо-Словакии.

тации человека человеком, и ни слова как на грех нет насчет сверхэксплуатации человека государством! Тот же вопрос я как-то лично задал одному из идеологов новой партии А. Сергееву, на что он мне ответил, что вопрос о последней форме эксплуатации пока неясен, после чего обрушился на «теневую экономику» как эксплуататора нашего народа № 1. Если людям до сих пор не ясно, что «тень» есть не более чем необходимый элемент функционирования целого, научные дискуссии с ними не представляются возможными и целесообразными. Если люди в здравом уме, твердой памяти и трезвом виде все еще сомневаются, подвергается ли наш народ эксплуатации со стороны тоталитарного государства[1], ныне пытающегося трансформироваться в нечто иное, и стараются подменить научный анализ этой проблемы рассуждениями о деформациях социализма, которые еще можно выправить, и реставрации капитализма, которой ни в коем случае нельзя допускать, то, как говорится, мир их праху — по крайней мере, в качестве коммунистов как борцов против любой формы эксплуатации трудящихся. В особенности, если эти рассуждения исходят из уст той политической силы, которая еще не до конца отстранена от власти, хотя последняя и вытекает у нее между пальцами (схемы некоторых неокоммунистов большевистской закваски из радикального крыла марксистской рабочей партии диктатуры пролетариата и троцкистских групп относительно деформации и реставрации звучат похоже, но когда существующий строй при этом считают не то госкапитализмом, не то госфеодализмом и его все-таки собираются не улучшать, а ликвидировать как эксплуататорский, то этих людей сколько угодно можно ругать за утопизм и «казарменность» методов практического внедрения идеалов, не подвергая сомнению право говорить от их имени). Подводя краткий итог анализу проблемы «коммунистичности» нынешней «партии», можно сказать, что в недалеком прошлом можно было добросовестно не понимать, что гуманистическая идеология и освободительная фразеология прикрывают новый эксплуататорский режим, один из наиболее жестоких и отвратительных в истории человечества. Изучать его можно еще долго, но факты отрицать уже нельзя. Сегодня в распоряжении жрецов последнего осталось одно: не отрицая «недостатков», пугать обывателя, что идущий этому на смену строй будет еще хуже. В роли будущего ему предполагают подсунуть усовершенствованный вариант привычного прошлого. Пока получается плохо, но люди не теряют надежды...

Теперь несколько слов о партийности такой «партии», как компартия РСФСР. Что на нормальную партию это «нечто» похоже не больше, чем слон на буйвола,— общеизвестно. Важнее понять, как эта структура существует и управляется сегодня, не слишком застревая на историческом аспекте темы, хотя полностью без него не обойдешься. В строгом смысле слова КПСС, конечно, не «партия» (от слова — часть), а тотия — от слова «тоталитаризм» (как интегративное структурное ядро соответствующей системы). Желающие ознакомиться с таким алгоритмом власти по первоисточнику могут просто перечитать работу Ленина «Еще раз о профсоюзах... и ошибках товарищей Троцкого и Бухарина». И автор, и его оппоненты заплатили за свои «ошибки» слишком дорогой ценой (мы за них расплачиваемся и сегодня), чтобы не

[1] Кто ж в СССР не знает, что сначала государство — благодетель все произведенное у трудящихся забирает, а затем кое-что отдает на прокорм и пропой в рамках системы иерархической уравниловки, причем уровень «зарплаты» (точнее — жалования) зависит от степени социальной лояльности, а не от результатов труда?

извлечь из них уроков в дни революции, свергающей на наших глазах тот способ эксплуатации, утверждению которого эти великие революционеры частью сознательно, частью неосознанно способствовали...

В схеме Ленина пирамида новой власти изложена с гениальной простотой: на вершине — партия-авангард, от нее идут «приводные ремни» (хотя они не аппарат, а «школа коммунизма») к массам. Разумеется, он, принимая резолюцию «О единстве партии», и не подозревал, что всего за несколько лет эта окостенелая пирамида преобразует и «партию-авангард» по собственному образу и подобию — внутри «своих» предполагалась «внутрипартийная демократия», хотя и в определенных пределах,— дабы, упаси Бог, вследствие раскола авангарда к власти в «мелкобуржуазной стране» не пришел кто-нибудь другой. Вот здесь-то после Кронштадта и была зарыта собака: что у нас в стране может быть только две партии — одна у власти, другая в тюрьме; на этот счет ни Ленин, ни Бухарин, ни Троцкий не сомневались, и каждому из них за принцип: «Власти никому ни при каких обстоятельствах не отдадим!» — воздалось по его вере. Не кто-нибудь, а Ленин честно признавал, что те самые элементы, которые в экономике дают нам кооперацию, в политике производят меньшевиков и эсеров. Кооперацию будем развивать, а меньшевиков расстреливать, высылать и сажать в лагерь на Соловки... С того момента, когда этот выбор был сделан партией-авангардом окончательно (первый раз он встал в конце октября 1917-го, второй — в январе 1918-го), она сама себе подписала смертный приговор, который усатый «отец народов» и привел в свое время в исполнение: не бывает на длительный срок демократии для себя и диктатуры для других, рано или поздно получается что-то одно.

Писать и переписывать «историю партии» у меня нет ни малейшего желания, гораздо важнее, что у нас творится сегодня и будет завтра. Сегодня вертикальная пирамида отчетливо начала расслаиваться на составляющие. Причины просты: количественно она стала слишком велика (да и террористические методы наведения порядка остались в прошлом), а в качественном — могущественные общественные силы рвут ее ныне на куски. Верхушка тотии — номенклатура (или, по удачной терминологии Оруэлла, внутренняя партия) — не просто чрезмерно разбухла до нескольких сотен тысяч, в ней чрезвычайно сильны стали коррумпированные слои и национально-территориальные кланы. Вхождение в элитарную касту по-прежнему в норме является необратимым, как и неподсудность этого слоя «обычным законам». Но в целом номенклатура оказалась, расслаиваясь на составляющие, на оборонительных позициях, и во многом дезорганизовала исполнительный аппарат перестройкой». Этот слой, как и любой приводной ремень, крайне неоднороден — еще бы, именно он насчитывает знаменитые «миллионы», не то 18, не то 22, если рассматривать не его «партийный кусочек», а весь тоталитарный механизм в целом. К тому же он давно перестал быть послушным приводным ремнем — не сталинские времена, у нас на дворе давно перестройка и гласность. В полном соответствии с «законом Паркинсона», как и любая большая управленческая система, он с золотых времен «застоя» привык работать сам на себя и в норме мог прекрасно обойтись не только без «партийных масс», но и — страшно подумать! — без ЦК и Политбюро.

В Польше 1980—1981 годов, еще до наших веселых времен, выяснилось, что и в условиях кризиса он ведет себя ничуть не лучше. Политбюро и ЦК и там принимали всевозможные решения (и мягкие, и

крутые), но аппарат выполнял только те, которые для себя считал в конкретной ситуации целесообразными — ибо служба безопасности над душой у него не стояла. Рядовые коммунисты раскололись не только на традиционные фракции левых, правых и умеренных, возникло и так называемое течение «горизонталистов», в принципе отвергавших так называемую вертикальную, а точнее — пирамидальную структуру. Но как только кто-то из них пытался выбраться за пределы «первички» и избрать (в нашем территориальном делении) свой райком или обком, поставив аппарат под свой контроль или даже создав свой, в полном соответствии с принципом демократического централизма, их вышибали из партии как не выполняющих решения вышестоящих. Своих оргресурсов для консолидации в новую партию разнородные левые в ПОРП, естественно, в условиях распада старой структуры не имели. «Солидарность» внутренне была ненамного лучше. Даже ее социалистическое крыло (в большинстве своем — некогда исключенные из ПОРП) считало, что хороших коммунистов не бывает, есть плохие и очень плохие. Национал-католическое крыло в измене подозревало «розовых» из КОР, прямо говоря, что еврею-интеллигенту рабочего-католика не понять. Кончили военным положением... Читатель может поинтересоваться: ну а к нам какое отношение имеют все эти «польские расклады»? «Солидарности» у нас пока, конечно, нет, но то, что начало твориться в КПСС с создания Демплатформы в январе 1990-го,— это какой-то непрерывный «перевод с польского». Опуская подробности, остановимся на главном.

Подобно десятку с лишним миллионов моих сограждан, проживающих на территории России, в одну не очень прекрасную ночь минувшего лета я уснул членом одной «партии» — КПСС, а проснулся членом другой — КП РСФСР, И сколько бы кто ни писал, что и прежняя организация похожа на нормальную партию не больше, чем слон на

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НОМЕРА

ИСКУССТВО РАСКРЕПОЩЕННОЙ ФАНТАЗИИ

Ассамбляж арт — как вид искусства молод, однако место во всемирном искусстве им уже решительно и твердо обозначено. Сочетая в себе элементы живописи, графики, скульптуры, синтезируя материальные знаки и символы окружающей жизни, создается мир, наполненный своеобразными, характерными именно для ассамбляжа ассоциациями.

Для меня он является одной из тех форм творчества, в которой нахожу свое существование естественным и органичным, где в полной мере могу раскрыться, реализовать свои возможности.

Я почти физически ощущаю метафоричность и специфику того материала, на основе которого осуществляется задуманное. Все это позволяет свободно и органично включать в процесс работы любые необходимые для реализации замысла структурно-предметные образования. В найденных сочетаниях они, не подменяя собой живописных или иных структур, зачастую наряду с ними создают аналогичное по своему эмоциональному воздействию изобразительное пространство.

Я отношусь, по всей видимости, к тем художникам, чье творчество определяется не столько внешними пластическими признаками, сколько неким всеобъемлющим зарядом авторской энергии, который, воздействуя на подсознание, призван обеспечить обратную связь; и в облике работы — суть самой стихии творчества.

Работаю над самыми различными темами. Неизобразительных тем и сюжетов не существует. И жизнь подсказывает их множество.

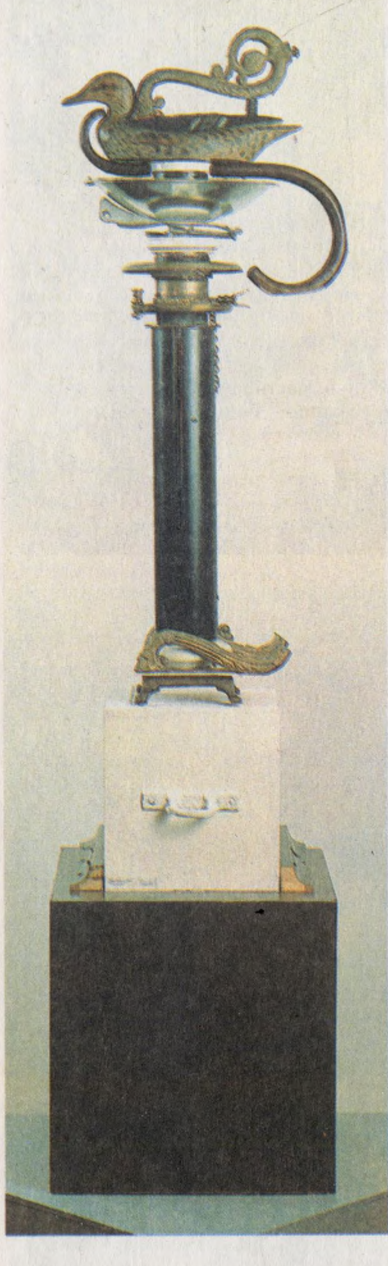
Борис СМЕРТИН

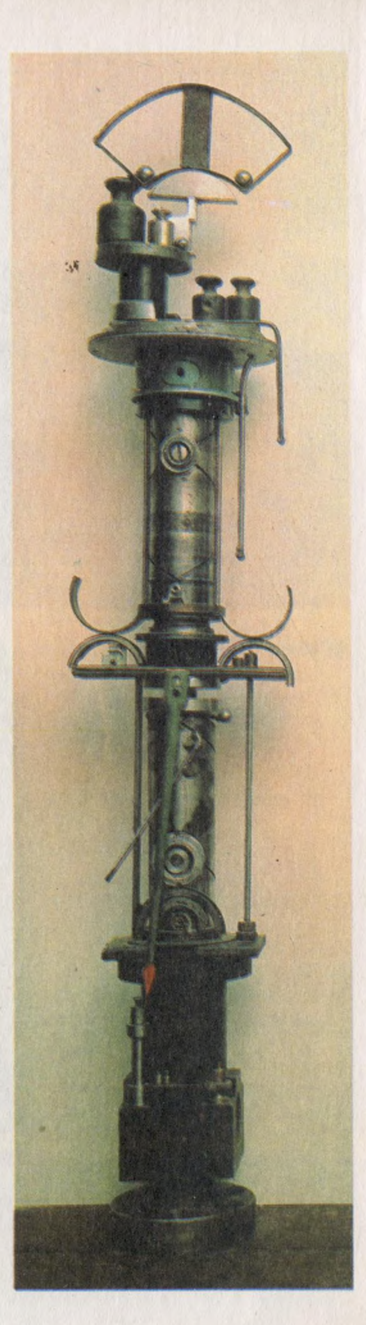
БОРИС СМЕРТИН

«Форд» образца 1960 года

Октябрь

Весы

буйвола, новая (на то и перестройка!) даст ей в этом смысле сто очков вперед. Ведь к чему нас помаленьку за минувшие десятилетия приучила жизнь! Что у Партии есть Программа, Устав, члены (платящие взносы, голосующие «за» и выполняющие решения) и конечно же ЦК во главе с очередным верным ленинцем, под руководством которого, как пелось в одной песне, «верной дорогой партия наша нас к коммунизму ведет». А тут! Ни программы, ни устава, ни членов (если, конечно, предположить, что последние — живые люди, а не картошка, которых без их личного согласия можно пересыпать из старого мешка в новый ящик, к тому же еще реально не построенный, а только запланированный)... А только ЦК, да и то не весь (ибо Москва, Ленинград и ряд других крупнейших центров в лице своих организаций разумно решили до конца XXVIII съезда и до второго этапа съезда КП РСФСР с этим делом обождать). А вместо верного ленинца — Иван Кузьмич Полозков, известный борец с кооперативами и журналистами вообще, и распродажей России кому ни попадя в частности. Как говорится, десятку с лишним миллионов, абсолютное большинство которых угодило в положение «без меня меня женили», было о чем задуматься...

Правда, после успешного завершения XXVIII съезда КПСС советские средства массовой информации, в том числе и числящиеся в умеренно прогрессивных («Известия», к примеру), неоднократно разъясняли (член нового ЦК КПСС Отто Лацис, например), что самого худшего, оказывается, не произошло. Интересно, а что могло для исторических судеб организации произойти еще более худшее, чем прошедший съезд, который кто-то очень точно окрестил съездом «новой партии — партийно-хозяйственной номенклатуры»: к первой категории относились свыше 40% делегатов российского съезда, ко второй — свыше 20%, а рабочих, от имени интересов которых (и других трудящихся) так любит поговорить Иван Кузьмич,— 7%, а колхозных (чуть не сказал — крепостных) крестьян — около 4%... Но нет, оказывается, самое худшее, что с нами могло стрястись,— это консервативный переворот на съезде, неизбрание Горбачева генсеком или избрание Лигачева его замом... Интересно, конечно, было бы до конца понять, кому и зачем вроде бы неглупые журналисты рассказывают народу (а особенно — его опартбиленной части) эти страшные сказки, да времени читателя жалко. Ведь Полозков ясно заявил по окончании российского съезда на пресс-конференции, что он заинтересован в сохранении Горбачева на посту генсека. Еще бы ему не быть в этом заинтересованным, когда свою организацию он уже получил, «а если Бога нет, то какой я штабс-капитан!» — говаривал один классический персонаж. И как только «товарищи» из верхнесредней номенклатуры расшумелись и расшалились чуть больше, чем было запланировано архитекторами очередного перестроечного компромисса в начале XXVIII съезда, начали требовать Политбюро (почти в полном составе давно собравшееся в отставку — кого на пенсию, кого — в Президентский совет) к отчету, а... страшно выговорить кого — к ответу, тот их в лоб спросил на встрече с секретарями: «Да вы что, всерьез раскола хотите!» И только что фактически обвинявшие его в измене (кто — «принципам», кто поумнее — корпоративным интересам) секретари, вообразившие на секунду, что наступил час их номенклатурной «демократии» и как они проголосуют, так все и будет, мигом почувствовали себя подростками, заражающими друг друга эмоциями (а в политике они пока и являются в массе недорослями, если не детьми), и заняли отведенное им по сценарию место.

Ну куда они без Горбачева годятся и денутся!.. Тот их спасает временами против их собственной воли. Неужели кто-то в здравом уме, твердой памяти и трезвом виде способен представить себе сегодня этих людей вышедшими на первые роли и проводящими самостоятельную политику, которой у этих «приводных ремней» центрального и регионального масштаба отродясь не было! Проголосовали сгоряча против ненавистного рынка, выплеснули эмоции на демократов и прессу и покорно пошли тем же курсом на «гуманный демократический социализм» (гомосоциализм по чьей-то ядовитой формуле), как на бойню. Разумеется, были на съезде примерно 700 делегатов, твердо «не поступающихся принципами», которым временами столько же активно сочувствовало. Но в условиях, когда большинство «низов» и самих «верхов» по горло сыто диктатурой, «во имя интересов трудящихся» шансов захватить власть... на съезде! — у этих сил не могло быть в принципе. А для того, чтобы разыграть какой-нибудь, скажем так, помимосъездовский сценарий, надо было бы быть бесшабашно смелыми авантюристами, а таким в массовом масштабе за последнее поколение чиновников в номенклатуре было взяться неоткуда. Свою же КП РСФСР они, еще раз хотелось бы подчеркнуть, получили, и зачем было дразнить Хозяина реализацией неформальной поговорки «два Кузьмича — пара» (тем более, первый Кузьмич — наследие, прямо скажем, пользующееся в стране вполне определенной репутацией)!

Далее часто встает вопрос, зачем Горбачев согласился на создание такой организации! Отвечать на него сподручнее будет историкам XXI века (если, конечно, человечество вообще, и наша страна в особенности, переживут ближайшее десятилетие настолько успешно, что у кого-то будет время и желание этим заниматься), что же касается судеб современников с партбилетами, проживающих на территории России с партбилетами КПСС в кармане к началу второго этапа съезда КП РСФСР, то им не мешало бы задуматься прежде всего над своими собственными судьбами. Настало время выбирать самим, ибо вчера у них еще не было массовой альтернативы и дальше состоять в одной организации с Алиевым, Гришиным, Горбачевым, Лигачевым, Полозковым, Прокофьевым, Яковлевым, которые все, конечно, очень разные, но выбрали одно или поступить, как Ельцин, Лысенко, Попов, Станкевич, Травкин, Шостаковский, которые тоже выбрали разное, но по-другому. Верить можно хоть в пень, хоть в ясный день, никому не запрещено мечтать, что он помогает Горбачеву, что КП РСФСР (после двух съездов, свидетелями которых мы были) вдруг да демократизируется и начнет защищать интересы трудового народа еще лучше, чем это уже 70 лет выходило у организаций, правопреемственность с которыми она хранит. Тем более ходят слухи, что в Демплатформе развал, а массового выхода из рядов КПСС пока не было.

Насчет развала в Демплатформе слухи, разумеется, нашей прессой сильно преувеличены, поскольку слова ей никто по понятным причинам не давал. В ней изначально существовали люди и организации (большинство), прекрасно понимавшие, чем кончится Учредительный съезд КП РСФСР и XXVIII съезд КПСС, ныне организованно вышедшие из состава соответствующих организаций в соответствии с решениями своей июньской конференции. Основная часть этих политических сил готовит в ноябре Учредительный съезд новой партии. Другие стали членами Демократической партии Травкина или таких организаций, как социалистическая и социал-демократическая партия. Существовало изначально в Демплатформе и меньшинство, ныне именующее себя коммунистами-реформаторами, решившее остаться в КПСС и КП РСФСР. Среди делегатов прошедших съездов, как это не раз бывало в отечественной истории, «большевики» в Демплатформе оказались в меньшинстве, а «меньшевики» — в большинстве... Любознательный читатель может поинтересоваться: сколько народа вовлечено в этот процесс размножения партий делением в результате размежевания КПСС и не является ли все это чьим-то заговором (партократии, масонов, марсиан — ненужное вычеркнуть). Заговор — дело темное, и уж если пока неясно, куда девается направленное в Москву продовольствие и кто нам устроил табачные бунты, то что уж про многопартийность в этом аспекте пока узнаешь! С численностью тоже много непонятного, ибо, как и все прочие российские люди, члены КПСС, КП РСФСР, Демплатформы (вышедшей и оставшейся) и Демпартии имеют привычку в июле—августе отдыхать в отпусках. Поэтому в эти месяцы окончательно определились только самые рьяные и заядлые, остальные (заплатив или придержав взносы — в зависимости от жизненного уровня и морального облика) небезосновательно решили, что осень лета мудренее, благо второй этап Учредительного съезда КП РСФСР — в начале сентября. По оценкам отделившейся части Демплатформы и Демпартии, к ним примкнули за июль—август десятки тысяч бывших членов КПСС, иногда целыми первичками. Что до КП РСФСР, то «Иван Кузьмич — сторонник перестройки: он перестроил дачу, дачу под Москвой» (так, немного перефразировав шлягер ранней перестройки, прозвали российского лидера) в предсъездовском интервью заявил, что даже если четверть — то есть несколько миллионов из числа нынешних членов КПСС — не захочет в его партию, то это не страшно. А вот с дачами под Москвой дела стали неважные. Как сотрудник Московской высшей партийной школы (сделавший выбор большинства актива Демплатформы) автор этих заметок после возвращения из отпуска наслушался уже немало анекдотов, общим знаменателем которых является массовое нежелание работников ЦК и МГК КПСС идти работать в аппарат ЦК КП РСФСР. Разумеется, по городам и весям необъятной России желающих спасать ее и партию в столице еще хватает, но вот выделят ли жилплощадь, машину, паек!

Пока здесь царит абсолютная неясность. На XXVIII съезде сметная стоимость партийного имущества была оценена примерно в 10 миллиардов. По мнению ряда специалистов МВПШ, эта стоимость расходится с истиной примерно на порядок, то есть в случае введения свободного рынка КПСС будет самым богатым собственником с капиталом свыше 100 миллиардов. Кто прав в условиях отсутствия вышеупомянутого рынка, на этот вопрос в принципе нельзя ответить, но думается, что читателю будет небезынтересно узнать, что три особняка МВПШ с гостиницей и общежитиями официально стоят 12 миллионов, а 33 особняка районных властей — менее 30 миллионов.

Но некоторым людям про деньги читать скучно, их интересуют идеалы и перспективы. Резервы у КП РСФСР, разумеется, есть, и не только в духе угроз генерала Макашова (очень сомнительно, что «соответствующие органы», к которым он взывает, будут геройски защищать марксизм-ленинизм и ЦК; себя в видоизмененном виде, конечно, будут, и к власти прийти при определенных обстоятельствах не откажутся, спасая Россию в придачу, но при чем тут новая компартия при нынешней степени деидеологизации системы подавления! Но все еще существуют миллионы, которым в одиночку или группой боязно выйти (из-за начальства), а чем дальше, тем боязнее будет остаться в рядах — из-за разгула бытового антикоммунизма. Кто-то еще явно рассчитывает

на такие массы, на то, что серьезная альтернатива КП РСФСР в массовом сознании еще не сформировалась. Но это расчет не на свою силу, а на чужую слабость. Судя по августовским зондажам общественного мнения, рейтинг Демплатформы и Демпартии в России — около 35%, причем по отдельности, а КП РСФСР — около 20%. Что же касается разговора об идейных борцах за возрождение последней из числа активистов Инициативного съезда РКП, два этапа которого прошли в Ленинграде, Марксистской платформы и коммунистов-реформаторов, то его лучше отложить до окончания работы над программой действий КП РСФСР — слишком уж пока был неустойчив их компромисс. Судя по соответствующим митингам и дискуссиям, таких людей немного, но они есть.

Второй этап Учредительного съезда КП РСФСР не только ничего не прояснил, но сделал картину еще более загадочной. Вроде бы компартию в России не только никто не запрещал, а еще новую создали. Но первичные организации старой (и не только в Москве) фактически ушли на нелегальное положение. Прошел месяц с момента завершения съезда, а собраний в первичках не было, секретаря найти сплошь и рядом невозможно в парткоме (в лучшем случае сидит и принимает партбилеты выбывающих секретарша), а если человек такой охальник, что хочет объяснить товарищам по партии, почему он ее покидает,— то он не может этого сделать по вышеупомянутой причине (собрания не собрать). Когда состоится второй этап Московской городской партконференции — это, наверное, еще более страшная тайна, чем число людей, вышедших из рядов... Вроде бы Московская парторганизация в КП РСФСР входит, раз членов ЦК избрали, а вроде бы и нет — раз по их настоянию программу действий пока не приняли. Но в сравнении с тем, что произошло на Верховном Совете России буквально через несколько дней после завершения российского съезда, все эти гримасы внутрипартийной жизни выглядят сущей чепухой. Каких только крепких выражений не употреблял практически каждый делегат по поводу рыночной экономики вообще и «500 дней» в особенности! А на российском парламенте (в верхней палате которого блок «коммунисты России» имеет квалифицированное большинство) этот самый план Шаталина принимается практически без обсуждения при двух голосах против!! Что бы это значило — пока не очень ясно. Но не приходится сомневаться, что если та или иная форма чрезвычайки быстро не опустится на Россию, гнить заживо и колоться на куски накренившаяся пирамида КП РСФСР будет бесконечно долго, если ее, конечно, предоставят самой себе, на что, правда, не очень похоже. По данным последних зондажей общественного мнения, большинство граждан настроены крайне мрачно, уверены, что будет бунт и погром, а потом диктатура. Неясность начинается в вопросе, кого народ будет бить (большинство предполагает, что коммунистов, но на роль врагов русского народа № 1 есть и иные претенденты — «чурки», «жиды», «дерьмократы») и какого качества в смысле лозунгов и курса будет «твердая власть». Но на вопрос, собирается ли лично опрошенный участвовать в бунте, абсолютное большинство твердо отвечает: «Да я что, ненормальный» и лично диктатуры отнюдь не жаждет (при полной внутренней убежденности, что Народ ЕЕ требует)...

Лучшего материала для размышлений об итоге и остатке после 73 лет правления партии нового типа, пожалуй, не отыскать. Ясно, что любая диктатура и любой бунт могут пресечь и «подморозить» некоторые тенденции, но, по существу, мало что могут переменить. На мой взгляд, ясно, что быстрого и простого решения проблем, вставших

перед страной, в настоящее время не существует в принципе. Знаменитые «споры о рынке» нашей великой страны с несчастным народом носят, по обыкновению, во многом мифологический характер, для одних — это магическое Спасение, для других — дьявольское наваждение (а иностранные аналитики руками разводят, не понимая, почему такая прозаическая вещь, как рынок, имеет у нас характер явления, способного вызвать новую религиозную войну, приходящую на смену начавшейся в 1917 году старой). С проблемами рынка, многопартийности, угрозы бунта и диктатуры, а также многими иными придется научиться жить, причем как минимум на протяжении жизни целого поколения (и другой жизни у него явно не будет, а эта будет не слишком благополучна и счастлива). Но жить с этими проблемами можно научиться, только их практически решая, точно зная, что полной и окончательной победы скоро не будет (как, впрочем, и наоборот — если наступит «конец света в одной отдельно взятой стране», то и он, скорее всего, не будет быстрым — уж не говорю мгновенным). Если для кого-то эта перспектива слишком мучительна и тяжела, то альтернатива одна — перестать жить (по крайней мере, на этой $^1/_6$ части мира)... Кто-то из моих знакомых сказал, что эта формула означает творческое развитие известной и ныне будет звучать: «Нынешнее поколение будет жить при последствиях строительства коммунизма». Увы, во многом это так, и даже если кто-то предлагает поменять плюс и минус местами и начать «строить капитализм» вместо недостроенного «изма» довольно похожими методами «осчастливливания темного народа сверху», то вместо борьбы за новое светлое будущее народу, на мой взгляд, лучше предложить программу выращивания нормального настоящего — из того материала, которые есть в наличии. И не надо позволять себе морочить рассуждениями, что «рынок есть рынок» (а козел есть козел), который везде одинаков (в Швеции и Бангладеш, например), а потому не надо экспериментировать над несчастной страной и «надо делать, как все делают». Наоборот, надо понять, что даже в Германии при соотношении численности населения и экономического потенциала 4 : 1 осуществляется фантастический по смелости (и малообдуманный в силу сверхвысокого темпа перемен даже по ближайшим последствиям) эксперимент на пути, которым успешно еще никто не ходил: от социализма к... (посмотрим к чему). Либо мы сумеем вписать рынок, многопартийность и многое иное в наши этнокультурные реалии, либо «приватизация» очень быстро превратится в «коллективизацию навыворот». Чтобы этого не произошло, с историей КПСС и данной организацией в ее современной ипостаси придется в настоящем и будущем России разбираться довольно долго. Советский вариант Нюрнбергского процесса над «преступной организацией», идеей которого бредят ныне некоторые горячие головы,— затея, мягко говоря, несвоевременная. Если эта организация все еще является реальной политической силой (что в Москве не очевидно), то не рано ли кроить шкуру неубитого животного? А если уже нет, то не гальванизирует ли обломки подобная «агрессия символов»? Так или иначе свыше десятка миллионов человек во плоти и три поколения монопольного господства идеологии в общественном сознании — это и есть тот итог и остаток, с которым после краха «проекта» России придется жить, если она хочет выжить. Исход борьбы не предопределен, но выход искать надо.

Александр Луцкий

МОСКВИЧИ У ТЕЛЕВИЗОРА

Кто сейчас не смотрит телевизор? Практически все, хоть раз в неделю, хоть раз в месяц, да припадут к «окну в мир», в обиходе именуемому «ящиком». Вряд ли кто будет спорить с тем, что телевидение занимает лидирующее место в досуге современного человека.

А каково отношение к телепередачам у москвичей? Сколько времени уделяют они просмотру? Как оценивают эфир? На эти и другие вопросы могут дать ответ социологи Центра изучения общественного мнения Гостелерадио СССР.

Именно они выяснили, что ежедневно среднестатистический москвич проводит у телевизора один час тридцать минут, причем мужчины менее активные телезрители, нежели женщины; что самые популярные телепередачи ленинградские «600 секунд», видеоканал «Добрый вечер, Москва!» и «Взгляд»; у московской молодежи самые любимые программы — «До 16 и старше» и «До и после полуночи». Любопытно, не так ли? И все эти сведения получены в результате социологических исследований. Вот, скажем, «До и после полуночи». Этой передаче были посвящены два исследования: весной и осенью прошлого года. В ходе первого выяснилось, что программа Владимира Молчанова сумела завоевать симпатии аудитории и приобрести обширный круг постоянных зрителей благодаря своей широкой адресности, отвечающей самым разным вкусам и интересам. По данным исследования, «До и после полуночи» смотрят почти две трети всей телеаудитории. В массовом сознании она предстает, с одной стороны, как изысканная, камерная, лирическая, а с другой — как объективная, серьезная, честная, конкретная, актуальная. Таким образом, программа удовлетворяет в равной степени и информационные, и эстетические запросы аудитории. Наиболее активными ее поклонниками являются молодые зрители в возрасте 15—25 лет, как правило, студенты вузов, техникумов, учащиеся средних школ. Они чаще обращаются к выпускам программы и оценивают ее выше других. Наименее активная часть аудитории «До и после полуночи» — пенсионеры.

В процессе второго исследования был сделан вывод, что между частотой обращения к этой программе и ее оценкой существует прямая зависимость: чем чаще человек смотрит «До и после полуночи», тем положительнее он ее характеризует, а чем выше удовлетворенность передачей, тем чаще ее стараются смотреть. Оказалось также, что, оставаясь в глазах телезрителей серьезной и проблемной, «До и после полуночи» одновременно дает возможность им отдохнуть, развлечься, то есть успешно решает задачу снятия эмоционального напряжения, столь актуальную по нынешним беспокойным временам. Интересно, что значительную группу зрителей влечет к программе потребность в общении. И передача, оправдывая их ожидания, успешно справляется с выполнением коммуникативной функции. Большинство опрошенных не случайно отмечают как одно из главных достоинств «До и после полуночи» возможность телезнакомства с неординарными людьми. По мнению респондентов, самое выразительное коммуникативное средство программы — ее ведущий. Персонифицируя идею каждого из выпусков передачи, он сокращает путь к сердцу зрителя. Радость от общения с Владимиром Молчановым испытывают 88 процентов поклонников программы.

Вот в ходе опроса телезрителей о программе «120 минут» выяснилось, к примеру, что на протяжении недели ее с различной частотой смотрят 64 процента всей телеаудитории. Причем более всего на программу ориентированы молодые люди в возрасте до 30 лет. Хотя отношение опрошенных к «120 минутам» в целом положительное, оказалось, что запросы аудитории удовлетворяются авторами этой передачи далеко не полностью. По мнению респондентов, она не всегда бывает интересной, мало внимания уделяется проблемам духовного развития личности, вопросам искусства. Самым большим недостатком «120 минут» — копирование программы «Время» по форме и методам подачи материала, использование в этой передаче сюжетов и видеоряда, прошедших накануне. Поскольку «120 минут» выходят в эфир в утренние часы, понятны пожелания включать в программу больше информации, музыкальных номеров, поднимающих тонус и хорошее настроение.

Анализ первых впечатлений о воскресной нравственной проповеди «Мысли о вечном» был осуществлен в рамках социологического опроса москвичей осенью 1989 года. Полученные данные позволили сделать вполне определенный вывод об успехе этой передачи у московской телеаудитории — ее выпуски смотрели более половины жителей столицы. Смотревшие «проповедь» оценили ее достаточно высоко, подчеркнув своевременность и полезность подобного начинания. В качестве наиболее привлекательных и важных сторон передачи зрители отметили участие в ней незаурядных личностей, общение с которыми духовно обогащает. По мнению респондентов, воспитательное значение «Мыслей о вечном» дополняется и определенным релаксирующим, психотерапевтическим эффектом. Отвечая на вопрос, кто должен выступать в качестве проповедника, москвичи отдали предпочтение в первую очередь служителям церкви, далее следуют представители творческих профессий, ученые, народные депутаты. Последние ранговые места достались представителям партийных и профсоюзных органов.

А. Луцкий, кандидат философских наук, редактор-консультант ЦИОМ Гостелерадио СССР.

Стремительно активизировавшаяся политическая жизнь страны не оставила безучастными социологов Гостелерадио и послужила поводом для проведения ряда исследований. Так, осуществленное в конце апреля 1989 года анкетирование социально-демографической модели населения Москвы продемонстрировало, что на вопрос, справилось ли телевидение с задачей глубокого и полного освещения выборной кампании, каждый четвертый опрошенный ответил положительно, полностью одобрив работу телевидения. С другой стороны, среди москвичей обнаружились и взыскательные критики, столь же безоговорочно негативно оценившие телевизионную деятельность по освещению выборов. Большинство же респондентов решило, что телевидение справилось с этой задачей частично. Серьезной критике при этом подверглись взаимоотношения ТВ и руководства страны. Многие считали, что во время выборов телевидение работало не на кандидатов, а на власть предержащих. Удивительно единодушными оказались респонденты в оценке крайне неудовлетворительного освещения телевидением выборов от КПСС и ВЛКСМ. Исследование показало, что работникам ТВ пришлось фактически разделить ответственность за все изъяны избирательной кампании с ее организаторами.

Не оставили без внимания социологи ЦИОМа и трансляции с I Съезда народных депутатов СССР. В июне прошлого года были опрошены жители Москвы, при этом обнаружилось, что прямые трансляции Съезда по ЦТ смотрели 57 процентов респондентов, прежде всего учащиеся, студенты и пенсионеры. Многочисленной была и аудитория «Маяка»: 65 процентов москвичей. По мнению опрошенных, прямые трансляции помогли узнать «политическое» и «этическое» лицо депутатов, их интеллектуальный уровень, лучше понять причины, тормозящие перестройку. Неудивительно, что подавляющее большинство участников опроса решили, что именно прямые трансляции дали возможность объективно оценить ход работы Съезда, сделать всесторонний анализ увиденного и услышанного.

В ноябре 1989 года работники ЦИОМа впервые выступили в качестве соавторов передачи о воинах-афганцах, создававшейся не просто на основе творческого поиска тележурналистов, а в первую очередь на основе изучения общественного мнения ее потенциальной аудитории. В ходе исследования выяснилось, что проблема войны в Афганистане, равно как и проблема статуса ее участников, продолжает волновать население страны. Большинство опрошенных идентифицировали миссию советских войск в Афганистане с миссией армии США, воевавшей во Вьетнаме. Несмотря на то что основными источниками сведений об афганской кампании для большинства респондентов служили теле- и радиопередачи, уровень доверия к ним был весьма низок.

Интересные данные получили социологи в процессе исследования информационного и общественно-политического вещания ЦТ на примере передач одной из недель прошлого года. Оказалось, что отношение к информационным программам у телезрителей непростое. По-настоящему информативными их признали 54 процента опрошенных, то есть большинство. Но с другой стороны, 41 процент телезрителей считают иначе, высказав неудовлетворение количеством и качеством получаемой от телевидения информации.

Тогда же был проведен оперативный опрос телезрителей Москвы на тему «Ваше мнение о комментаторах и обозревателях информационных программ ЦТ». Верхние шкалы этого рейтинга заняли, в частности, В. Познер, А. Бовин, Г. Боровик, В. Цветов, В. Зорин, В. Молчанов, Ф. Сейфуль-Мулюков, И. Фесуненко, Н. Шахова и Ю. Черниченко. Они стали десятью лучшими из пятидесяти четырех.

Ну а теперь об исследованиях нынешнего, 1990-го, года.

Мнение телеаудитории об информационной программе «Время» было получено в процессе двух исследований: анкетирования москвичей по квотной выборке и пресс-опроса читателей еженедельника «Говорит и показывает Москва». Опрошенные, к примеру, подвергли сомнению целесообразность введения трех выпусков программы, полагая, что для насыщения всех трех качественной информацией сегодня возможностей пока нет. А повторы сюжетов и сообщений вызывают раздражение. Не устраивает респондентов и тематический подбор этой информации, критиковалось качество видеопродукции во «Времени». Телезрители считают, что она должна быть динамичнее, отражать индивидуальную манеру подачи материала каждым оператором. Однако, как показало исследование в целом, программа «Время» снискала и популярность, и уважение аудитории. Даже в критике отдельных ее сторон чувствовалась доброжелательность респондентов, их стремление помочь авторам в поиске путей совершенствования.

Программа «Взгляд» фигурирует в нескольких исследованиях ЦИОМа. В январском опросе москвичей акцент был сделан на выяснении общественно-политической, гражданской позиции создателей этой популярной передачи. 41 процент опрошенных характеризовали позицию «Взгляда» как передовую, 40 процентов полагают, что бывает по-разному, и только 2 процента назвали ее «непрогрессивной». По мнению большинства респондентов, авторы «Взгляда» делают все, дабы ускорить и углубить процесс перестройки в стране.

В процессе исследования, посвященного столичному видеоканалу «Добрый вечер, Москва!», выяснилось, что его аудитория составляет 84 процента москвичей. Из них 20 процентов обращаются к программе не реже пяти-шести раз в неделю, 21 процент — три-четыре раза в неделю, а 43 процента смотрят канал эпизодически, один-два раза в неделю и реже. Совсем не смотрят «ДВМ» 16 процентов опрошенных. Наивысший пик зрительского внимания приходится на первую часть видеоканала, с 19.30 до 20.45, затем его аудитория заметно сокращает-

ся. Сравнение полученных данных с результатами опроса 1988 года показало, что в поведении аудитории «ДВМ» произошли значительные изменения. Вместе с тем возросло количество москвичей, обращающихся к видеоканалу регулярно, то есть аудитория «ДВМ» стабилизировалась.

Июньский опрос москвичей, осуществленный по специальному заказу Главной редакции телерадиопрограмм для Москвы, позволил выяснить отношение жителей столицы к еженедельным выступлениям председателя Моссовета Г. Х. Попова в передачах «Добрый вечер, Москва!». Оказалось, что телевстречи с мэром собирают весьма значительную аудиторию — их смотрят почти две трети москвичей. На вопрос, интересуют ли их выступления Попова, положительно ответили более трех четвертей респондентов и лишь 7 процентов дали отрицательный ответ. Среди не проявивших интереса три четверти составили рабочие.

В поле зрения социологов Гостелерадио попали и трансляции с проводившегося в Италии чемпионата мира по футболу. Обнаружилось, что смотрели матчи 73 процента москвичей. Наиболее активными зрителями были мужчины, причем каждый пятый признался, что трансляции стимулировали его приобщение к футболу. Хотя большинству зрителей футбольные матчи не помешали смотреть другие передачи, трети москвичей ежедневно приходилось выбирать: футбольный матч или какая-то другая телепередача. Был проведен рейтинг спортивных комментаторов. В первую десятку попали: В. Маслаченко, К. Майоров, Н. Еремина, Г. Саркисьянц, С. Ческидов, А. Дмитриева, Г. Сурков, В. Перетурин, Д. Червоненко, А. Бурков. Именно они были названы лучшими.

Сравнительному рейтингу популярности программ Центрального телевидения, Московской редакции и Ленинградского ТВ был посвящен телефонный опрос жителей столицы. 32 процента его участников признали лучшими передачи Ленинграда, 22 процента — Москвы и только 11 процентов предпочитают смотреть программы Центрального телевидения.

Очень интересны результаты исследования «Молодежные программы ЦТ в оценках студенческой аудитории». Опросы общественного мнения неизменно определяли приоритет ТВ в проведении населением свободного времени. Опрос московского студенчества не подтвердил этой приоритетности. Оказывается, для студентов основным занятием в часы досуга является чтение. В этом признался каждый второй опрошенный. Телевидение в структуре свободного времени у студентов занимает второе место. 72 процента опрошенных предпочитают смотреть информационно-музыкальные передачи. На втором месте — музыкально-развлекательные программы, на третьем — кинопрограммы. Самые высокие оценки получили программы: «600 секунд», «До и после полуночи», «Взгляд» и «Программа «А».

«Москвичи о художественном вещании ЦТ» — так называлось исследование, проведенное социологами летом. Его основной целью являлось определение размеров аудитории и ее отношения к каждой из передач художественного вещания. Верхнюю шкалу в количественном рейтинге (объем аудитории) заняли игровые кино- и телефильмы (I место), телесериалы (2 место), «Вокруг смеха» (3 место). В рейтинге качества (количество отличных и хороших оценок) сложилась такая картина. На первом месте «Вокруг смеха», на втором — «Аншлаг! Аншлаг!», третье поделили «Киносерпантин», «Воскресный кинозал» и телесериалы.

Что же касается исследований, связанных с освещением активизации политической жизни страны, то в процессе апрельского телефонного опроса выяснилось, что москвичи предпочли сессии Моссовета сессию Верховного Совета — за ней наблюдали 43 процента опрошенных. Во вторую по размерам группу вошли те респонденты, которые переключались с канала на канал, стремясь увидеть — хотя бы частично — и сессию Верховного Совета СССР, и сессию Моссовета, и программу «Время». Эта группа опрошенных выразила изрядное недовольство столь неудачным стечением обстоятельств и неверно составленным, по их мнению, расписанием передач. Программе «Время» в эти дни полностью уделить внимание решили лишь 8 процентов опрошенных; 4 процента следили за сессией Моссовета, не переключаясь с московского канала на другие. Исследование продемонстрировало, что показ в полной записи заседаний парламента Союза, к которому прибавились и трансляции сессий горсоветов Москвы и Ленинграда, способствовал небывалой политизации телеэкрана, отодвинув на второй план его художественный потенциал.

В то же время последние опросы общественного мнения продемонстрировали падение интереса москвичей к политическому телеэкрану. Зрители устали от бесконечных дискуссий, разоблачений, обещаний. Не видя радости в окружающей — бедной, серой, неуютной — действительности, люди стремятся окунуться в хотя бы иллюзорную радость мира телевизионного. Недаром в последнем рейтинге популярности телепередач верхнюю ступень заняла многосерийная мелодрама «Рабыня Изаура». И недаром наш Центр все чаще вместе с анкетами стал получать письма, подобные письму И. Н. Чернышова, телезрителя из Рязани. «В современной жизни нет ни счастья, ни радости,— пишет он.— Люди озлоблены и отчуждены друг от друга, не перед кем душу излить. Поэтому мой основной учитель, собеседник и утешитель — телевизор». Очевидно, что прошлогоднюю эйфорию телеаудитории — когда все «запоем» следили за освещением политических событий — сменило чувство социальной усталости, желание отвлечься, расслабиться, отдохнуть. Качели телепристрастий повернулись на 180 градусов. Остается надеяться, что с воцарением рыночных отношений, стабилизацией и улучшением общественной жизни стабилизируются телевизионные ожидания и интересы зрителей.

Зинаида Гиппиус

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДНЕВНИКИ 1919 ГОДА

Из «Черной книжки»

1919. Июнь. СПВ

...Не забывай моих последних дней...

...О, эти наши дни последние,
Остатки неподвижных дней.
И только небо в полночь меднее,
Да зори голыя длинней...

Июнь... Все хорошо. Все как быть должно. Инвалиды (грязный дом напротив нас, тоже угловой, с железными балконами) заводят свою музыку разно: то с самого утра, то попозже. Но, заведя, уже не прекращают. Что-нибудь да зудит: или гармоника, или дудка, или граммофон. Иногда граммофон и гармоника вместе. В разных этажах. Кто не дудит — лежит брюхом на подоконнике, разнастанный, смотрит или плюет на тротуар.

После 11 ч. вечера, когда уже запрещено ходить по улицам (т. е. после 9,— ведь у нас «революционное» время, на три часа вперед), музыка не кончается, но валявшиеся на подоконниках сходят на подъезд, усаживаются. Вокруг толпятся так называемые «барышни», в белых туфлях,— «Катьки мои толстоморденькия», о которых А. Блок написал:

С юнкерьем гулять ходила,
С солдатьем теперь пошла.

Визги. Хохотки.

Инвалиды (и почему они — инвалиды? все они целы, никто не ранен, и госпиталя тут нет),— «инвалиды» здоровые, крепкие мужчины. Праздник и будни у них одинаковы. Они ничем не заняты. Слышно, будто спекулируют, но лишь по знакомству. Нам ни одной картофелины не продали.

А граммофон их звенит, звенит в ушах, даже ночью, светлой как день,— когда уже спят инвалиды, замолк граммофон.

*

Утрами, по зеленой уличной траве, извиваются змеями приютские дети,— «пролетарские» дети,— это их ведут в Таврический сад. Они — то в красных, то в желтых шапчонках, похожих на дурацкие колпаки. Мордочки землистого цвета, сами босые. На нашей улице, когда-то очень аристократической, очень много было красивых особняков. Они все давно реквизированы, наиболее разрушенные — покинуты, отданы «под детей». Приюты доканчивают эти особняки. Мимо некоторых уже пройти нельзя, такая грязь и вонь. Стекла выбиты. На подоконниках лежат дети,— совершенно так, как инвалиды лежат,— мальчишки и девчонки, большие и малые, и как инвалиды глазеют или плюют на улицу. Самые маленькие играют сором на разломленных плитах тротуара, под деревьями, или бегают по уличной траве, шлепая голыми пятками. Ставят детей в пары и ведут в Таврический лишь по утрам. Остальное время дня они свободны. И праздны, опять совершенно так же, как инвалиды.

Есть, впрочем, и много отличий между детьми и инвалидами. Хотя бы это одно: у детей лица желтые — у инвалидов красные.

*

Вчера (28-го июня) дежурила у ворот. Ведь у нас, со времени военной большевицкой паники, установлено бессменное дежурство на тротуаре, день и ночь. Дежурят все, без изъятья, жильцы дома по очереди, по три часа каждый. Для чего это нужно, сидеть на пустынной, всегда светлой улице — не знает никто. Но сидят. Где барышня на доске, где дитя, где старик. Под одними воротами раз видела дежурящую, интеллигентного вида, старуху; такую старую, что ей вынесли на тротуар драное кресло из квартиры. Сидит покорно, защищает, бедная, свой «революционный» дом и «Красный Петроград» от «белых негодяев»... которые даже не наступают.

Вчера во время моих трех часов «защиты» — улица являла вид самый необыкновенный. Шныряли, грохоча и дребезжа, расшатанные, вонючие большевицкие автомобили. Маршировали какие-то оборванцы с винтовками. Кучками проходили подозрительные личности. Словом — царило непривычное оживление. Узнаю тут же, на улице, что рядом, в Таврическом дворце, идет назначенный большевиками митинг и заседание их Совета. И что дела как-то неожиданно-неприятно там обертываются для большевиков, даже трамваи вдруг забастовали. Ну что ж, разбастуют.

Без всякого волнения, почти без любопытства, слежу за шныряющими властями. Постоянная история, и ничего ни из одной не выходит.

Женщины с черновато-синими лицами, с горшками и посудинами в ослабевших руках (суп с воблой несут из общественной столовой) — останавливались на углах, шушукались, озираясь. Напрасно, голубушки. У надежды глаза так же велики, как и у страха.

*

Рынки опять разогнали и запечатали. Из казны дается на день $^1/_8$ хлеба. Муку ржаную обещали нам принести тайком — 200 р. фунт.

Катя спросила у меня 300 рублей,— отдать за починку туфель.

*

Если ночью горит электричество — значит, в этом районе обыски. У нас уже было два. Оцепляют дом и ходят целую ночь, толпясь по квартирам. В первый раз обыском заведовал какой-то «товарищ Савин», подслеповатый, одетый как рабочий. Сопровождающий обыск I. I. (ужасно он похож, без воротничка, на большую худую, печальную птицу) — шепнул «товарищу», что тут, мол, писатели, какое у них оружие. Савин слегка ковырнул мои бумаги и спросил: участвую ли я *теперь* в периодических изданиях? На мой отрицательный ответ ничего, однако, не сказал. Куча баб в платках (новые сыщицы — коммунистки) интересовались больше содержанием моих шкапов. Шептались. В то

Печатаются по изд.: **З. Н. Гиппиус.** Петербургский дневник. Тель-Авив, «Архивы», б. г.

время мы только начинали продажу, и бабы явно были недовольны, что шкап не пуст. Однако, обошлось. I. I. ходил по пятам каждой бабы.

На втором обыске женщин не было. Зато дети. Мальчик лет 9 на вид, шустрый и любопытный, усердно рылся в комодах и в письменном столе Дм. Серг. Но в комодах с особенным вкусом. Это наверно «коммунист». При каком еще строе, кроме коммунистического, удалось бы юному государственному деятелю полазить по чужим ящикам?

А тут — открывай любой.

— Ведь подумайте, ведь они детей развращают. Детей! Ведь я на этого мальчонку без стыда и жалости смотреть не мог! — вопил бедный I. I. в негодовании на другой день.

*

Яркое солнце. Высокая ограда С. собора. На каменной приступочке сидит дама в трауре. Сидит бессильно, как-то вся опустившись. Вдруг тихо, мучительно, протянула руку. Не на хлеб попросила — куда! Кто теперь в состоянии подать «на хлеб»? На воблу.

Холеры еще нет. Есть дизентерия. И растет. С тех пор как выключили все телефоны,— мы почти не сообщаемся. Не знаем, кто болен, кто жив, кто умер. Трудно знать друг о друге, а увидаться еще труднее.

Извозчика можно достать — от 500 р. конец.

*

Мухи. Тишина. Если кто-нибудь не возвращается домой — значит, его арестовали.

Так арестовали мужа нашей квартирной соседки, древнего-древнего старика. Он не был, да и не мог быть связан с «контр-революцией»,— он просто *шел по Гороховой.* И домой не пришел. Несчастная старуха неделю сходила с ума, а когда, наконец, узнала, где он сидит и собралась послать ему еду (заключенные кормятся только тем, что им присылают «с воли»),— то оказалось, что старец уже умер. От воспаления легких или от голода.

Так же не вернулся домой другой старик, знакомый З. Этот зашел случайно в швейцарское посольство, а там засада.

Еще не умер, сидит до сих пор. Любопытно, что он давно на большевицкой же службе, в каком-то учреждении, которое его от Гороховой требует, он нужен... но Гороховая не отдает. <...>

*

Еще одного надо записать в синодик. Передался большевикам — А. Ф. Кони! Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой, 75-летний старец. За пролетку и крупу решил «служить пролетариату». Написал об этом «самому» Луначарскому. Тот бросился читать письмо всюду: «Товарищи, А. Ф. Кони — наш! Вот его письмо». Уже объявлены какие-то лекции Кони — красноармейцам.

Самое жалкое — это что он, кажется, не очень и нуждался. Дима[1] не так давно был у него. Зачем же это на старости лет? Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать,— но ведь стыдно.

С Москвой, жаль, почти нет сообщения. А то достать бы книжку Брюсова «Почему я стал коммунистом». Он теперь, говорят, важная шишка у большевиков. Общий цензор. (Издавна злоупотребляет наркотиками.)

Валерий Брюсов — один из наших «больших талантов». Поэт «конца века»,— их когда-то называли декадентами. Мы с ним были всю жизнь очень хороши, хотя дружить так, как я дружила с Блоком и А. Белым, с ним было трудно. Не больно ли, что как раз эти двое последних, лучшие, кажется, из поэтов и личные мои, долголетние, друзья — чуть не первыми перешли к большевикам? Впрочем, какой большевик — Блок! Он и вертится где-то около, в левых эсерах. Он и А. Белый — это просто «потерянныя дети», ничего не понимающие, аполитичные отныне и довека. Блок и сам как-то соглашался, что он «потерянное дитя», не больше.

Но бывают времена, когда нельзя быть безответственным, когда всякий обязан быть человеком. И я «взорвала мосты» между нами, как это ни больно. Пусть у Блока, да и у Белого,— «душа невинна: я не прощу им никогда».

Брюсов другого типа. Он не «потерянное дитя», хотя так же безответствен. Но о разрыве с Брюсовым я не жалею. Я жалею его самого.

Все-таки самый замечательный русский поэт и писатель,— Сологуб,— остался «человеком». Не пошел к большевикам. И не пойдет. Не весело ему за то живется. <...>

*

Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой лапоть.

*

Деревянные дома приказано снести на дрова. О, разрушат живо, разрушать мастера! Разломают и растаскают.

Таскают и торцы. Сегодня сама видела, как мальчишка с невинным видом разбирал мостовую. Под торцами доски. Их еще не трогают. Впрочем, нет, выворачивают и доски, ибо кроме «плешин» — вывернутых торцов,— кое-где на улицах есть и бездонные черные ямы.

*

N. был арестован в Павловске на музыке, во время облавы. Допрашивал сам Петерс, наш «беспощадный» (латыш). Не верил, что N. студент. Оттого, верно, и выпустил. На студентов особенное гонение. С весны их начали прибирать к рукам. Яростно мобилизуют. Но все-таки кое-кто выкручивается. Университет вообще разрушен, но остатки студентов все-таки нежелательный элемент. Это, хотя и — увы, пассивная,— но все-таки оппозиция. Большевики же не терпят вблизи никакой, даже пассивной, даже глухой и немой. И если только могут, что только могут — уничтожают. Непременно уничтожат студентов,— останутся только профессора. Студенты все-таки им, большевикам, кажутся *коллективной* оппозицией, а профессора разъединены, каждый—отдельная оппозиция, и они их преследуют отдельно.

Сегодня еще прибавили. $^1/_8$ фунта хлеба на два дня. Какое объяденне! <...>

*

16 июля. Утром из окна: едет воз гробов. Белые, новые, блестят на солнце. Воз обвязан веревками.

В гробах — покойники, кому удалось похорониться. Это не всякому удается. Запаха я не слышала, хотя окно было отворено. А на Загородном — пишет «Правда» — сильно пахнут, когда едут. <...>

---

[1] Д. В. Философов.

*

Что-то все делается, делается, мы чуем, а что — не знаем.

Границы плотно заперты. В «Правде» и в «Известиях» — абсолютная чепуха. А это наши две *единственные* газеты, два полулистика грязной бумаги,— официозы. (В «коммунистическом государстве» пресса допускается ведь только *казенная*. Книгоиздательство тоже только одно, государственное, казенное. Впрочем, оно никаких книг и не издает. Издает пока лишь брошюры коммунистические. Книги соответственные еще не написаны, все старые — «контрреволюционны»; можно подождать, кстати и бумаги мало. Ленинки печатать и то не хватает.)

Что пишется в официозах — понять нельзя. Мы и не понимаем.

И никто. Думаю, сами большевики мало понимают, мало знают. Живут со дня на день. Зеленая армия ширится.

Дизентерия, дизентерия... И холера тоже. В субботу пять лет войне. *Наша* война кончиться не может, поэтому я уже и мира не понимаю.

*

Надо продавать все до нитки. Но не умею, плохо идет продажа.

*

Дмитрий[1] сидит до истощения, целыми днями, корректируя глупые, малограмотные переводы глупых романов для «Всемирной литературы». Это такое учреждение, созданное покровительством Горького и одного из его паразитов — Тихонова, для подкармливания будто бы интеллигентов. Переводы эти не печатаются, да и незачем их печатать. Платят 300 ленинок с громадного листа (ремингтон за счет переводчика), а за корректуру — 100 ленинок.

Дмитрий сидит над этими корректурами днем, а я по ночам. Над каким-то французским романом, переведенным голодной барышней, 14 ночей просидела.

Интересно, на что в Совдепии пригодились писатели. Да и то, в сущности, не пригодились. Это так, благотворительность, копеечка, поданная Горьким Мережковскому.

На копеечку эту (за 14 ночей я получила около тысячи ленинок, полдня жизни) — не раскутишься. Выгоднее продать старые штаны.

*

Ощущение *лжи* вокруг — ощущение чисто физическое. Я этого раньше не знала. Как будто с дыханием в рот вливается какая-то холодная и липкая струя. Я чувствую не только ее липкость, но и особый запах, ни с чем не сравнимый. <...>

*

Яркий день. Годовщина (пять лет!) войны. С тех пор почти не живу. О, как я ненавидела ее всегда; этот европейский позор, эту бессмысленную петлю, которую человечество накинуло на себя! Я уж не говорю о России. Я не говорю и о побежденных. Но с первого мгновения я знала, что эта война грозит неисчислимыми бедствиями, *всей* Европе, и победителям, и побежденным. Помню, как я упрямо до тупости восставала на войну, шла против если не всех — то многих, иногда против самых близких людей (не против Д. С., он был со мной). Общественно — мы звука не могли издать не военного благодаря царской цензуре. На мой доклад в Религиозно-философском обществе, самый осторожный, нападали в течение двух заседаний. Я до сих пор

[1] Д. С. Мережковский.

утверждаю, что здравый смысл — хотя бы только здравый смысл,— был на моей стороне. А после мне приходилось выслушивать такие вопросы: «Вот вы всегда были против войны, значит, вы за большевиков?» За большевиков! Как будто мы их не знали, как будто мы не знали до всякой революции, что большевики — перманентная война, безысходная война? Большевицкая власть в России — порождение, детище войны. И пока она будет — будет война. Гражданская? Как бы не так. Просто себе война, только двойная еще, и внешняя, и внутренняя. И последняя в самой омерзительной форме, в форме террора, т. е. убийства вооруженными — безоружных и беззащитных. Но довольно об этом, довольно. Я слышу выстрелы. Оставляю перо, иду на открытый балкон.

Посередине улицы медленно собираются люди. Дети, женщины... даже знаменитые «инвалиды», что напротив, слезли с подоконников,— и музыку забыли. Глядят вверх. Совершенно безмолвствуют. Как завороженные — и взрослые и дети. В чистейшем голубом воздухе, между домами,— круглые, точно белые клубочки, плавают дымки. Это «наши» (большевицкие) части стреляют в небо по будто бы налетевшим «вражеским» аэропланам.

На ватные комочки «наших» орудий никто не смотрит. Глядят в другую сторону и выше, ища «врагов». Мальчишка жадно и робко указует куда-то перстом, все оборачиваются туда. Но, кажется, ничего не видят. По крайней мере я, несмотря на бинокль, ничего не вижу.

Кто — «они»? Белая армия? Союзники — англичане или французы? Зачем это? Прилетают любоваться, как мы вымираем? Да ведь с этой высоты все равно не видно.

Балкон меня не удовлетворяет. Втихомолку, накинув платок, бегу с Катей-горничной по черному ходу вниз и подхожу к жидкой кучке посреди улицы.

Совсем ничего не вижу в небе (бинокль дома остался), а люди гробово молчат. Я жду. Вот, слышу, желтая баба шепчет соседке:

— И чего они — летают-летают... Союзники тоже... Хоть бы бумажку сбросили, когда придут, или что...

Тихо говорила баба, но ближний «инвалид» слышал. Он, впрочем, невинен.

— Чего бумажку, булку бы сбросили, вот это дело.

Баба вдруг разъярилась:

— Булки захотел, толстомордый. Хоть бы бомбу шваркнули, и за то бы спасибо. Разорвало бы окаянных, да и нам уж один конец, легче бы.

Сказав это,— баба крупными шагами, бодрясь, пошла прочь. Но я знаю,— струсила. Хоть не видать никого «такого» около, а все же... С улицы легче всего попасть на Гороховую, а там в списках потеряешься, и каюк. Это и бабам хорошо известно.

Пальба затихла, кучка стала расходиться. Вернулась и я домой.

Да, зачем эти праздные налеты?

Вчера то же было, говорят, в Кронштадте. То же самое.

Зачем это? <...>

Оплакав Венгрию, большевики заскучали. Троцкий-Бронштейн, главнокомандующий армией «всея России», требует, однако, чтобы к зиме эта армия уничтожила всех «белых», которые еще занимают часть России. «Тогда мы поговорим с Европой».

Работы много — ведь уже август, даже по старому стилю.

Косит дизентерия. <...>

*

Почти насильно записывают в партию коммунистов. Открыто устрашают: «...а если кто...» Дураки боятся.

Петерса убрали в Киев. Положение Киева острое. Кажется, его теснят всякие «банды», от них стонут сами большевики. Впрочем — что мы знаем?

*

Арестованная (по доносу домового комитета, из-за созвучий фамилий) и через 3 недели выпущенная Ел. (близкий нам человек) рассказывает, между прочим:

Расстреливают офицеров, сидящих с женами вместе, человек 10—11 в день. Выводят на двор, комендант, с папироской в зубах, считает,— уводят.

При Ел. этот комендант (коменданты все из последних низов), проходя мимо тут же стоящих, помертвевших жен, шутил: «Вот, вы теперь молодая вдовушка. Да не жалейте, ваш муж мерзавец был. В красной армии служить не хотел».

Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во «Всевобуч» (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!):

— А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили.

Зверей Зоологического сада, еще не подохших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко,— это всем известно. Но родственникам, кажется, не объявляли раньше.

Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду. (Имя комиссара я знаю.)

Вчера доктор X. утешал I. I., что у них теперь хорошо устроилось, несмотря на недостаток мяса: сердце и печень человеческих трупов пропускают через мясорубку,— и выделывают пептоны, питательную среду, бульон... для культуры бацилл, например.

Доктор этот крайне изумился, когда I. I. внезапно завопил, что не переносит такого «глума» над человеческим телом, и убежал, схватив фуражку.

Надо помнить, что сейчас в СПБ-ге при абсолютном отсутствии одних вещей и скудости других, есть нечто в изобилии: трупы. Оставим расстрелянных. Но и смертность в городе, по скромной большевицкой статистике (петитом),— 65%, при 12% рождений. Т. е. умирает *половина* населения. (Не забудем, что это *большевицкая,* официальная статистика.) <...>

*

Петерс, уезжая в Киев (мы знаем, что Киев взяли, потому что Петерс уже в Москве: удрал, значит), решил возвратить нам телефоны. Причин возвращать их так же мало, как мало было отнимать. Но и за то спасибо.

Все теперь, все без исключения,— носители слухов. Носят их соответственно своей психологии: оптимисты — оптимистические, пессимисты — пессимистические. Так что каждый день есть всякие слухи, и обыкновенно друг друга уничтожающие. Фактов же нет почти никаких. Газета — наш обрывок газеты,— если факты имеет, то не сообщает, тоже несет слухи, лишь определенно подтасованные. Изредка прорвется кусок паники, вроде «вновь угрожающей Антанты, лезущей на нас с

еще окровавленной от Венгрии мордой»... или вроде внезапно появившегося Тамбово-Козловского (?) фронта.

Несомненный факт, что сегодня ночью (с 17 на 18 августа) где-то стреляли из тяжелых орудий. Но Кронштадт ли стрелял, в него ли стреляли — мы не знаем (слухи).

Должно быть, особенно серьезного ничего не происходит,— не слышно усиленного ерзанья большевицких автомобилей. Это у нас один из важных признаков: как начинается тарахтенье автомобилей,— завозились большевики, забеспокоились,— ну, значит, что-то есть новенькое, пахнет надеждой. Впрочем, мы привыкли, что они из-за всякого пустяка впадают в панику и начинают возиться, дребезжа своими расхлябанными, вонючими автомобилями. Все автомобили расхлябанные, полуразрушенные. У одного, кажется, Зиновьева — хороший. Любопытно видеть, как «следует» по стогнам града «начальник Северной коммуны». Человек он жирный, белотелый, курчавый. На фотографиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тетку. Зимой и летом он без шапки... Когда едет в своем автомобиле — открытом,— то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана. Он без нее — никуда, он трус первой руки. Впрочем, все они трусы. Троцкий держится за семью замками, а когда идет, то охранники его буквально теснят в кольце, давят кольцом. <...>

*

Большевики и сами знают, что будут свалены, так или иначе,— но когда? В этом весь вопрос. Для России — и для Европы — это вопрос громадной важности. Я подчеркиваю, для Европы. Быть может, для Европы вопрос времени падения большевиков даже важнее, чем для России. Как это ясно.

Принудительная война, которую ведет наша кучка захватчиков, еще тем противнее обыкновенной, что представляет из себя «дурную бесконечность» и развращает данное поколение в корне,— создает из мужика «вечного» армейца, праздного авантюриста. Кто не воюет или пока не воюет — торгует (и ворует, конечно). Не работает никто. Воистину «Торгово-продажная» республика,— защищаемая одурелыми солдатами — рабами.

Если большевики падут лишь «в конце концов» — то, пожалуй, под свалившимися окажется «пустое место». Поздравим тогда Европу. Впрочем, будет ли тогда кого поздравлять,— «в конце-то концов»?

*

Матросье кронштадтское ворчит, стонет,— надоело. «Давно бы мы сдались, да некому. Никто нейдет, никто не берет».

*

Что бы ни было далее — мы не забудем этого «союзникам». Англичанам — ибо французы без них вряд ли что могут.

Да что — мы? Им не забудет этого и жизнь сама.

*

Вчера видела на улице, как маленькая, 4-летняя девочка колотила ручонками упавшую с разрушенного дома старую вывеску. Вместо дома среди досок, балок и кирпича возвышалась только изразцовая печка. А на валявшейся вывеске были превкусно нарисованы яблоки, варенье, сахар и — булки. Целая гора булок.

Я наклоняюсь над девочкой.

— За что же ты бьешь такие славные вещи?

— В руки не дается! В руки не дается! — с плачем повторяла девочка, продолжая колотить и топтать босыми ножками заколдованное варенье.

*

Чрезвычайку обновили. Старых расстреляли, кое-кого. Но воры и шантажисты — все.

*

Отмечаю (конец августа по нов. стилю), что, несмотря на отсутствие *фактов,* и даже касающихся севера *слухов,* общее настроение в городе повышенное, атмосфера просветленная. Верхи и низы одинаково, хотя безотчетно, вдруг стали утверждаться на ощущении, что скоро, к октябрю-ноябрю, все будет кончено.

Может быть, отчасти действуют и слишком настойчивые большевицкие уверения, что «*напрасны* новые угрозы», «*тщетны* решения англичан кончить с Петербургом теперь же», «*нелепы* надежды Юденича на новое соглашение с Эстляндией» и т. д.

Агонизирующий Петербург, читая эти выкрики, радуется: ага, значит есть «новые угрозы». Есть «решения англичан». Есть речь о «соглашении Юденича с Эстляндией».

Я прямо чувствую нарастание беспочвенных, казалось бы, надежд.

Рядом большевики пишут о своем наступлении на Псков. Возможно, отберут его; но и это вряд ли изменит настроение дня.

Наша Кассандра — Д. С. — пребывает в тех же мрачных тонах. Я... не говорю ничего. Но констатировать общее состояние атмосферы считаю долгом. <...>

*

Атмосфера уверенности в перевороте, которую я недавно отметила, ее температура (говорю о чисто кожном ощущении) за последние дни, и как будто тоже без всяких причин, сильно понизилась. Какая это странная вещь!

Разбираясь, откуда она могла взяться, я вот какое предполагаю объяснение: вероятно, был, опять ставился, вопрос о вмешательстве. Реально так или иначе снова поднимался. И это передалось через воздух. Только это могло родить такую всеобщую надежду, ибо: все мы здесь, сверху донизу, до последнего мальчишки, знаем (и большевики тоже), что сейчас одно лишь так называемое «вмешательство» может быть толчком, изменяющим наше положение.

Вмешательство. «Вмешательство во внутренние дела России». Мы хохочем до слез — истерических, трагических, правда,— когда читаем эту фразу в большевицких газетах. И большевики хохочут — над Европой,— когда пишут эти слова. Знают, каких она слов боится. Они и не скрывают, что рассчитывают на старость, глухоту, слепоту Европы, на страх ее перед традиционными словами.

В самом деле, каким «вмешательством» в какие «внутренние дела» какой «России», была бы стрельба нескольких английских крейсеров по Кронштадту? Матросы, скучающие, что «никто их не берет», сдались бы мгновенно, а петербургские большевики убежали бы еще раньше. (У них автомобили всегда наготове.) Но, конечно, все это лишь в том случае, если бы несомненно было, что стреляют «англичане», «союзники». (Так знают все, что самый легкий толчок «оттуда» — дело решающее.)

О, эта пресловутая «интервенция»! Хотя бы раньше, чем произносить это слово, европейцы полюбопытствовали взглянуть, что происходит с Россией. А происходит, приблизительно, то, что было после битвы

при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски — и пируют. Не ясно ли, что свободным, не связанным еще,— надо (и легко) столкнуть татар с досок? И отнюдь, отнюдь не из «сострадания» — а в собственных интересах, самых насущных. Ибо эти новые татары такого сорта, что, чем дольше они пируют, тем грознее опасность для соседей попасть под те же доски.

Но видно и соседей наших, и Антанту Бог наказал — разум отнял. Даже просто здравый смысл. До сих пор они называют этот необходимый, и такой нетрудный, внешний толчок, жест самосохранения,— «вмешательством во внутренние дела России».

Когда развеется это марево? Не слишком ли поздно. <...>

*

В московской газете довольно паническая статья «Теперь или никогда». Опять об «окровавленной морде» Антанты, собирающейся будто бы лезть на Петербург. Новых фактов — никаких. Букет старых.

Здешняя наша «Правда» — прорвалась правдой (это случается). Делаю вырезку с пометкой числа и года (30 августа 19 г. СПБ.) и кладу в дневник. Пусть лежит на память.

Вот эта вырезка дословно, с орфографией.

Рабочая масса к большевизму относится несочувственно и когда приезжает оратор или созывается общее собрание, т.т. рабочие прячутся по углам и всячески отлынивают. Такое отношение прискорбно. Пора одуматься.

ЧЕРЕХОВИЧ

ОТДЕЛ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО РАЙОНА

Настроение «пахнет белогвардейским духом». Из 150 служащих всего только 7 человек в коллективе (2 Коммуниста, 3 Кандитата и 2 сочувствующих) Все старания привлекать публику в нашу партию безрезультатны.

14-я Государств. типография ПЕТРОГРАД

Весьма характерный «прорыв». Достанется за него завтра кому следует. Бедный «Черехович» неизвестный. Угораздило его на такие откровенности пуститься.

Положим, это все знают, но писать об этом в большевицкой газете — непорядок. Ведь это же правда,— а не «Правда». <...>

*

Сегодня, 2 сентября нов. ст., во вторник, записываю прогноз Дмитрия, его «пророчества», притом с его согласия,— так он в них уверен.

Никакого наступления ни со стороны англичан, ни с других сторон, Финляндии, Эстляндии и т. п.— *не будет.*

Ни в ближайшие, ни в дальнейшие дни. Где-нибудь, кто-нибудь, возможно, еще постреляет,— но и только.

Определенного примирения с большевиками у Европы тоже не будет. Все останется приблизительно в таком же положении, как сейчас. Выдержит ли Европа строгую блокаду — неизвестно; будет, однако, еще пытаться.

Деникин обязательно провалится.

Затем Дмитрий дальше пророчествует, уже о будущем годе, после этой зимы, в продолжение которой большевики сильно укрепятся... но я пока этого не записываю, лучше потом.

Дмитрий почему-то объявил, что «вот этот вторник был решающим». (Уж не Троцкий ли загипнотизировал его своими «красными башкирами»?)

Эти «пророчества» — в сущности то, что мы все знаем, но не хотим знать, не должны и не можем говорить *даже себе...* если не хотим сей-

час же умереть. Физически нельзя продолжать эту жизнь без постоянной надежды. В нас говорит праведный инстинкт жизни, когда мы стараемся не терять надежду.

На Деникина, впрочем, никто почти не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. *Слишком* мы здесь зрячи, слишком все знаем *изнутри*, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши «белые генералы», старые русские «остатки»,— даже если они будут *честно* и *определенно* поддержаны Европой. А что у Европы нет прямой честности,— мы видим. <...>

*

Арестовали двух детей, 7 и 8 лет. Мать отправили на работы, отца неизвестно куда, а их, детей, в Гатчинский арестный приют. Это такая детская тюрьма, со всеми тюремными прелестями, «советские дети *не для иностранцев*», как мы говорим. Да, уж в этот приют «европейскую делегацию» не пустят (как, впрочем, и ни в какой другой приют, для этого есть один или два «образцовых», т. е. чисто декорационных).

Тетка арестованных детей (ее еще не арестовали) всюду ездит, хлопочет об освобождении,— напрасно. Была в Гатчине, видела их там. Плачет: голодные, говорит, оборванные, во вшах.

Любопытная это, вообще, штука,— «красные дети». Большевики вовсю решили их для себя «использовать». Ни на что не налепили столь пышной вывески, как на несчастных совдепских детей. Нет таких громких слов, каких не произносили бы большевики тут, выхваляя себя. Мы-то знаем им цену и только тихо удивляемся, что есть в «Европах» дураки, которые им верят.

Бесплатное питание. Это матери, едва стоящие на ногах, должны водить детей в «общественные столовые», где дают ребенку тарелку воды, часто недокипяченой, с одиноко плавающим листом чего-то. Это посылаемые в школы «жмыхи», из-за которых дети дерутся, как звереныши.

Всеобщее бесплатное обучение. Приюты. Школы.— Много бы могла я тут рассказать, ибо имею *ежедневную, самую детальную* информацию *изнутри*. Но я ограничусь выводом: это целое поколение русское, погибшее, духовно и телесно. Счастье для тех, кто не выживет...

Кстати, недавно Горький «лаял» в интимном кругу, что «черт знает, что в школах делается...» И действительно, средняя школа, преобразованная в одну «нормальную» советскую школу, т. е. заведение для обоих полов, сделалось странным заведением... Женские гимназии, институты соединили с кадетскими корпусами, туда же подбавили 14—15-летних мальцов прямо с улицы, всего повидавших... В гимназиях, по словам Горького тоже, есть уже беременные девочки 4-го класса... В «этом» красным детям дается полная «свобода». Но в остальном требуется самое строгое «коммунистическое» воспитание. Уже с девяти лет мальчика выпускают говорить на митингах, учат «агитации» и защите советской власти. (Очевидно, более способных подготавливают и к действию в Чрезвычайке. Берут на обыски — это «практические занятия».)

Но довольно, довольно. Об этом будет время вспомнить... <...>

*

И все-таки англичанам верят. Сегодня упорные слухи, что англичане взяли Толбухинский маяк и тралят мины.

Как бы не так! <...>

*

Всеобщая погоня за дровами, пайками, прошения о невселении в квартиры, извороты с фунтом керосина и т. д. Блок, говорят (лично я с ним не сообщаюсь), даже болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало их целых «12». Ведь это же, по его поэме, 12 апостолов, и впереди них «в венке из роз идет Христос». <...>

*

Пусть убивают нас, губят Россию (и себя, в конечном счете) невежественные, непонимающие европейцы, вроде англичан. Но как могут распоряжаться нами откормленные русские эмигранты, разные «представители» пустых мест, несуществующие «делегации» и т. д.? Когда к нам глухо доносятся голоса зарубежников, когда здешние наши палачи злорадно подхлестывают эмигрантские свары и заявления — с одной стороны, всяких большевиствующих тупиц о невмешательстве, с другой — безумные «непризнания независимости Финляндии» (??) каких-то самоявленных русских парижских «послов» — старорежимников — мы здесь скрежещем зубами, сжимаем кулаки. О, если б не тряпка во рту, как мы крикнули бы им: «Что вы делаете, идиоты? Кто вам дал право распоряжаться нами и Россией? России нет сейчас, а поскольку есть она, мы Россия, мы, а не вы. Как вы смеете от лица неизвестной вам, забытой России, для вас уже наверно несуществующей — что-то «признавать», чего-то «не признавать», распоряжаться нашей судьбой, нашей жизнью, сами сидя в безопасности?»

Впрочем, все они были бы только смешны и глупы, если бы глупость не смешивалась с кровью. Кровавая глупость. Ладно, в свое время за нее ответят.

Отдельные русские голоса за рубежом, трезвые,— слабы и не имеют значения. Трезвы только *недавно* бежавшие. Они еще чувствуют Россию, реальное ее положение. А для тех — точно ничего не случилось. Не понимают, между прочим, что и все их *партии* — уже фикция, туман прошлого, что ничего этого уже нет *безвозвратно.*

А здесь... Эстляндия 15-го начинает «мирные переговоры», сегодня Чичерин предлагает их всем окраинам, с Финляндией во главе, конечно. Англия и «шалости» прекратила.

Не ясно ли, что после этого...

*

Сегодня понедельник 15 (2) сентября. Жду, что в вечерней ихней тряпке будет очередной клик об очередных победах и «устрашенной» Финляндии, склоняющейся к самоубийству (мирным переговорам), ведь «мир» с большевиками — согласие на самоубийство или на разложение заживо. <...>

*

Говорят (в ихней газете), что умер Леонид Андреев, у себя в Финляндии. Он не испытал нашего. Но он понимал правду. За это ему вечное уважение.

Х. и Горький остались. Процветают.

*

В литературную столовую пришла барышня. Спрашивает у заведующей: не здесь ли Дейч (старик, плехановец)? Та говорит: его еще нету. Барышня просит указать его, когда придет; мне, мол, его очень нужно. И ждет. Когда старец приплелся (он едва ходит) — заведующая указывает: вот он. Барышня к нему — ордер: вы арестованы. Все рас-

терялись. Старик просит, чтобы ему хоть пообедать дали. Барышня любезно соглашается...

Изгоев и Потресов сидят на Шпалерной, в одной камере.

Из объяснений в газете, *за что* расстреляны:

«...Чеховский, б. дворянин, поляк, был против коммунистов, угрожал последним отплатить, когда придут белые...»

№ его 28.

Холодно, сыро. У нас пока ни полена, только утром в кухню.

*

Лианозово-Маргулиевское правительство «Сев. Западное» — полная загадка. Большевики издеваются, ликуют. К чему эта жалкая ерунда?

Большевицкие деньги почти не ходят вне городской черты. Скоро и здесь превратятся в грязную бумагу. Чистая стоит дороже.

Небывалый абсурд происходящего. Такой, что никакая человечность с ним не справляется. Никакое воображение.

11 окт. (28 сент.) — После нашей недавней *личной* неудачи (объясню как-нибудь потом) писать психологически невозможно; да и просто нечего. Исчезло ощущение связи событий среди этой трагической нелепости. Большевицкие деньги падают с головокружительной быстротой, их отвергают даже в пригородах. Здесь — черный хлеб с соломой уже 180—200 р. фунт. Молоко давно 50 р. кружка (по случаю). Или больше? Не уловишь, цены растут, *буквально* всякий час. Да и нет ничего.

Когда «их» в Москве взорвало (очень ловкий был взрыв, хоть по последствиям незначительный, убило всего несколько не главных да оглушило Нахамкиса) — мы думали, начнется кубический террор; но они как-то струсили и сверх своих обычных расстрелов не забуйствовали. Мы так давно живем среди потока слов (официальных) — «раздавить», «додушить», «истребить», «разнести», «уничтожить», «залить кровью», «заколотить в могилу» и т. д. и т. д., что каждодневное печатное повторение непечатной ругани — уже не действует, кажется старческим шамканьем. Теперь заклинанья «додавить» и «разгромить» направлены на Деникина, ибо он после Курска взял Воронеж (и Орел — по слухам).

Абсурдно-преступное поведение Антанты (Англии?) продолжается. На свою же голову, конечно, да нам от этого не легче.

Понять по-прежнему ничего нельзя. Уже будто бы целых три самостоятельных пуговицы, Литва, Латвия и Эстляндия, объявили согласие «мирно переговариваться» с большевиками. Хотят, однако, не нормального мира, а какого-то полубрестского, с «нейтральными зонами» (опять абсурд). Тут же путается германский Гольц, и тут же кучка каких-то «белых» (??) ведет безнадежную борьбу у Луги. Кошмар.

*

Все меньше у них автомобилей. Иногда дни проходят — не прогремит ни один.

Закрыли заводы, выкинули 10 000 рабочих. Льготы — месяц. Рабочие покорились, как всегда. Они не думают *вперед* (я приметила эту черту некультурных «масс»), льготный месяц на то и дается. Уедут по деревням. («Чего там, что еще будет через месяц, а пока — езжай до дому».) — Здесь большевики организовали принудительную запись в свою партию (не всегда закрывают принудительность даже легким флером). Снарядили, как они выражаются, «пару тысяч коммунистов на южный фронт», чтобы «через какую-нибудь пару недель» догромить Деникина. (Это я не сближаю эти «пары», это так точно пишут наши «советские» журналисты.)

*

15 (2) октября.— Ну вот, и в четвертый раз высекли, говорит Дмитрий в 5 часов утра, после вчерашнего, нового обыска.

Я с убеждением возражаю, что это неверно; что это опять гоголевская унтер-офицерская вдова «сама себя высекла».

Очень хороша была плотная баба в белой кофте, с *засученными рукавами* и с басом (несомненная прачка), рывшаяся в письменном столе Дмитрия. Она вынимала из конвертов какие-то письма, какие-то заметки.

— А мне желательно иету тилиграмму прочесть.

Стала, приглядываясь и бормоча, разбирать старую телеграмму из — кинематографа, кажется.

Другая баба, понежнее, спрашивала у меня «стремянку».

— Что это? Какую?

— Ну лестницу, что ли... На печку посмотреть.

Я тихо ее убедила, что на печку такой вышины очень трудно влезть, что никакой у нас «стремянки» нет, и никто туда никогда не лазил. Послушалась. <...>

Потолкались — ушли. Опять придут.

Сегодня — грозные меры: выключаются *все* телефоны, закрываются все театры, *все* лавчонки (если уцелели), не выходить после 8 ч. вечера и т. д. Дело в том, что вот уже 4 дня идет наступление белых с Ямбурга. Не хочу, не могу и не буду записывать всех слухов об этом, а ровно ничего, кроме слухов, самых обрывочных, у нас *нет*. Вот, например, один, наиболее скромный и постоянный слух: какие «белые» и какой у них план — неизвестно, но они хотели закрепиться в Луге и Гатчине к 20-му и ждать (чего? тоже неизвестно). Однако красноармейцы сразу так побежали, что белые растерялись, идут, идут, и не могут их догнать. Взяв Лугу и Гатчину — взяли будто бы уже и Ораниенбаум и взорвали мост на Ижоре.

Насчет Ораниенбаума слух нетвердый. Псков будто бы взял фон дер Гольц (это совсем нетвердо).

На юге Деникин взял Орел (признано большевиками) и Мценск (не признано).

Мы глядим с тупым удивлением на то, что происходит. Что из этого выйдет? Ощущением, всей омозолившейся душой, мы склоняемся к тому, *что ничего не выйдет*. Одно разве только: в буквальном смысле будем издыхать от голода, да еще всех нас пошлют копать рвы и строить баррикады.

Красноармейцы действительно подрали от Ямбурга, как зайцы, роя по пути картошку и пожирая ее сырую. Тут не слухи. Тут свидетельства самих действующих сил. От кого дерут — сказать не могут — не знают. Прослышали о каких-то «таньках», лучше до греха домой.

Завтра приезжает «сам» Бронштейн-Троцкий. Вдыхать доблесть в бегущих.

Состояние большевиков — неизвестно. *Будто бы* не в последней панике, считая это «налетом банд», а что «сил нет».

Самое ужасное, что они, вероятно, правы, что сил нет, если не подтыкано хоть завалящими регулярными нерусскими войсками, хоть фон дер Гольцем. Большевики уповают на своих «красных башкир» в расчете, что им — все равно, лишь бы их откармливали и все позволяли. Их и откармливают, и расчет опять верен.

Газеты — обычны, т. е. понять ничего нельзя абсолютно, а слова те же,— «додушить», «раздавить» и т. д.

(Черная книжка моя кончилась, но осталась еще корка,— в конце и в начале. Буду продолжать, как можно мельче, на корке.)

НА КОРКЕ

16 окт. (3), четв.— Неужели снизойду до повторения здесь таких слухов: англичане вплотную бомбардируют Кронштадт. Взяли на Кр. Горке форт «Серая Лошадь». Взято Лигово.

Но вот почти наверно: взято Красное Село, Гатчина, кр.-армейцы продолжают бежать.

В ночь сегодня мобилизуют всех рабочих, заводы (оставшиеся) закрываются. Зиновьев вопит не своим голосом, чтобы «опомнились», не драли, и что «никаких танек нет». Все равно дерут.

Оптимисты наши боятся слово сказать (чтоб не сглазить событий), но не выдерживают, шепчут, задыхаясь: Финляндия взяла Левашево... О, вздор, конечно. Т. е. вздор фактический, как данное; — как должное — это истина. И если бы выступила Финляндия...

Все равно душа молчит, перетерпела, замозолилась, изверилась, разучилась надеяться. Но надеяться надо, надо, надо — иначе смерть.

Голод полнейший. Рынки расхвачены. Фунта хлеба сегодня не могли достать. Масло, когда еще было,— 1000—1200 р. фунт.

*

26 (13) октября, вторник.— Рука не подымалась писать. И теперь не подымается. Заставляю себя.

Вот две недели неописуемого кошмара. Троцкий дал приказ: *«Гнать»* вперед красноармейцев (так и напечатал «гнать»), а в Петербурге копать окопы и строить баррикады. Все улицы перерыты, главным образом центральные. Караванная, например. Роют обыватели, схваченные силой. Воистину ассирийское рабство. Уж как эти невольники роют — другое дело. Не думаю, чтобы особенно крепки были правительственные баррикады, дойди дело до уличного боя.

Но в него никто не верил. Не могло до него дойти (ведь если бы освободители *могли* дойти до улиц Петрограда — на них уже не было бы ни одного коммуниста).

Три дня, как большевики трубят о своих победах. Из фактов знаем только: белые оставили Царское, Павловск и Колпино. Почему оставили? Почему? Большевики их не прогнали, это мы знаем. Почему они ушли — мы не знаем.

Гатчина и Кр. Село еще заняты. Но если они уже начали уходить...

Большевики вывели свой крейсер «Севастополь» на Неву и стреляют с него в Лигово и вообще во все стороны наудачу. В частях города, близких к Неве, около площади Исаакия например, дома дрожали и стекла лопались от этой умной бомбардировки близкого, но невидимого неприятеля.

Впрочем, два дня уж нет стрельбы. Под нашими окнами, у входа в Таврический сад,— окоп, на углу,— пушка.

О том, что мы видим и сколько это стоит — не пишу. Ложь, которая нас окружает... тоже не пишу.

ЕСЛИ ОНИ НЕ МОГУТ ВЗЯТЬ ПЕТЕРБУРГА,— НЕ МОГУТ,— ОНИ БЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ, ЧТО, ИДЯ БЕССИЛЬНО, ОНИ УБИВАЮТ НЕВИННЫХ. <...>

*

4 ноября (22 окт.) вторник.— Дрожа, пишу при последнем свете мутного дня. Холод в комнатах туманит мысли. В ушах непрерывный шум. Трудно. Хлеб — 300 р. фунт. Продавать больше нечего.

Близкие надежды всех — рухнули. (Мои, далекие остались.) Большевики в непрерывном ликовании. Уверяют, что разбили белых совершенно и наступают во весь фронт. Вчера будто бы отобрали и Гатчину. Мы ничего не знаем о боях, но знаем: и Царское, и Гатчина — красные. Однако большевики вступают туда лишь через 6—12 часов *после* очищения их белыми. Белые просто уходят (??).

Как дрожали большевики, что выступит Финляндия. Но она недвижима.

Сумасшествие с баррикадами продолжается. Центр города еще разрывают. Укрепили... цирк Чинизели. На стройку баррикад хватают и гонят всех, без различия пола и возраста, устраивая облавы в трамваях и на квартирах. Да, этого еще никогда не было: казенные баррикады. И, главное, ни к чему.

Эрмитаж и Публичную библиотеку — замораживают: топлива нет.

Большевики, испугавшись, потеряли голову в эти дни: кое-что роздали, кое-что увезли — сами не знают, что теперь будут делать.

Уверяют, что и на юге их дела великолепны. Быть может. Все может быть. Ведь мы ничего не знаем абсолютно.

Перевертываю книгу, там тоже есть, в начале, место на переплете, на корке.

(Переверт.)

Ноябрь.— Надо кончить эту книжку и спрятать. Куда? Посмотрим. Но хорошо, что она кончается. Кончился какой-то период. Идет новый — на этот раз действительно последний.

Наступление Юденича (чтó это было на самом деле, как и почему — мы не знаем) для нас завершилось следующим: буквально «погнанные» вперед красноармейцы покатились за уходящими белыми и даже, раскатившись, заняли Гдов, который не могли занять летом. Армия же Юденича совсем куда-то пропала, словно иголка. Что с ней случилось, зачем она вдруг стала уходить от Петербурга (от самого города! разъезды белых были даже на Забалканском проспекте!), когда большевики из себя вышли от страха, когда их автомобили ночами пыхтели, готовые для бегства (один из них, очень важный, пыхтел и сверкал под окнами моей столовой, у нас во дворе его гараж),— не можем понять. Но факт налицо: *они — ушли.*

Говорят, прибалтийцы закрыли границу, и армия Юденича должна была переправляться в Финляндию. Ее особенно трусили большевики. Напрасно. Даже не шевельнулась.

Состояние Петербурга в данную минуту такое катастрофическое, какое, без этого преступного движения Юденича, было бы еще месяца через три-четыре. К тому же ударили ранние морозы, выпал снег. Дров нет ни у кого, и никто их достать не может. В квартирах, без различия «классов» — от 4 тепла до 2 мороза. <...>

(Электричество погасло. Оно постоянно гаснет, когда и горит. Зажгла лампу. Керосин на донышке.)

Собственно, гораздо *благороднее* теперь не писать. Потому что общая мука жизни такова, что в писание о ней может войти... тщеславие. Непонятно? Да, а вот мы понимаем. И Розанов понял бы. (Несчастный, удивительный Розанов, умерший в такой нищете. О нем вспомнят когда-нибудь. Одна его история — целая историческая книга.)

Люди так жалки и страшны. Человек человеку — ворон. С голодными и хищными глазами. Рвут падаль на улице равно и одичавшие собаки, и воронье, и люди. Едут непроницаемые (какие-то нелюди) башкиры на мохнатых лошаденках и заунывно воют, покачиваясь: средняя Азия...

Блестящи дела большевиков и на юге. Так ли блестящи, как они говорят,— не знаю, но очевидно, что Деникин пошел уже не вперед, а назад. Это не удивляет нас. Разложились, верно. Генеральско-южные движения обречены (как и генеральско-северные, оказывается).

Англичан здесь, конечно, и не было ни малейших: с моря слегка попалили французы (или кто?), и все успокоилось.

Большевики снова принялись за свою «всемирную революцию» — вплотную принялись. Да и не могут они от нее отстать, не могут ее не устраивать всеми правдами и неправдами, пока они существуют. Это самый смысл и непременное условие их бытия. Страна, которая договаривается с ними о мире и ставит условием «отказ от пропаганды»,— просто *дура*.

Очень хотели бы мы все, здесь живущие, в России, чтобы Англия поняла на своей шкуре, что она проделывает. Германия уже поняла и несет свою кару. Ослепшая Европа (особенно Англия) на очереди. Ведь она зарывается не плоше Германии. И тут же продолжает после мира — подлого — подлую войну с Германией — на костях России.

Как ни мелко писала я, исписывая внутреннюю часть переплета моей «Черной Книжки»,— книжка кончается. Не буду, верно, писать больше. Да и о чем? Записывать каждый хрип нашей агонии? Так однообразно. Так скучно.

Хочу завершить мою эту запись изумительным отрывком из *«Опавших листьев»* В. В. Розанова. Неизвестно, о чем писал он это — в 1912 году. Но это мы, мы — в конце 1919-го!

«И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители, как побежденные, а побежденные, как победители.

И что идет снег и земля пуста.

Тогда я сказал: Боже, отведи это, Боже, задержи.

И победа победила в душе моей. Потому-то побледнела душа. Потому что где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут.

Но остаются недвижимыми костями, и на них будет снег».

(Короб II, стр. 251.)

На нас идет снег. И мы — недвижимые кости. Не задержал. Не отвел. Значит, так надо.

*

Смотреть в глаза людские... <...>

Из «Серого блокнота»

Встряхиваю головой, протираю глаза и соображаю:

о нашей жизни нельзя никому рассказать потому,— что мы *забыли* сами (от привычки) основные абсурды, на которых все покоится, а говорим лишь о следствиях, о фактах, *вытекающих* из этих абсурдов. Естественно, что это плодит недоразумения.

Говорим? даже и о следствиях, об этой цепи повседневных фактов — говорим ли мы? Вот, я — здесь, на этих тайных страницах разве... Ведь мы *безгласны* в самом прямом смысле слова, все мы со всем русским народом. Я обвиняю Европу, но как ей видеть, как понимать, что слышать? Будем объективны, будем справедливы. Россия гробово молчит; отсюда до Европы доходит лишь то, что угодно сказать большевикам.

А они говорят, и очень громко, и очень настойчиво, вот что:

у нас — *революция;*

у нас — *диктатура пролетариата,* а коренной наш принцип — правительство рабоче-крестьянское. Мы постепенно вводим в жизнь, воплощаем все идеи научного *социализма,* мы уничтожим капитал, уничтожаем частную собственность, идем к уничтожению денег. Мы за полное равенство всех. У нас система *Советов* — совершеннейший из всех выборных институтов. Перевыборы старого совершаются каждые полгода — сам народ управляет страной. Мы за мир всего мира, но так как враги наши не оставляют нас в покое, то для защиты своего социалистического строя народ создал могущественную красную армию и борется за социализм, не жалея крови, терпит голод, нужду, лишения,— только бы не отняли у него его «собственного» правительства. С внутренними врагами русский народ,— рабочие и крестьяне,— борются посредством созданных им правительственных учреждений,— Исполкомы, ЧК и друг. Все враги Советской власти, без исключения, желают отдать фабрики — капиталистам, отнять у рабочих, а землю — помещикам, отняв у крестьян.

Революция — это мы.

Социализм и как совершеннейшая его точка, коммунизм — это мы.

Поэтому:

Кто против *нас* — тот против революции, (контрреволюционер) против социализма, (социал-предатель) против рабочих и крестьян, (буржуй,— помещик, капиталист).

Вот, в главной черте, то, что говорят большевики Европе,— говорят упорно и громко. Еще бы не громок был их голос, когда он не заглушается ничьим, когда это *единственный* голос, идущий из России. Это единственно они взяли силой, но главный их принцип, которого они не скрывают — *«сила есть право».*

Признает ли Европа, тайно и бессознательно, этот принцип, против которого явно она вела войну с Германией, или просто не думает, не соображает, не разбирается,— пока оставим. Я веду вот к чему. Я веду к указанию на главные, коренные абсурды,— основы нашей действительности. «Через головы европейских правительств», как все время говорят большевики, мне хотелось бы обратиться к рабочим всего мира, социалистам всего мира, с такими утверждениями (ответственными, ибо далее и предлагаю реальную проверку,— жизненную).

Я утверждаю, что ничего из того, о чем говорят большевики Европе,— НЕТ.

Революции — нет.

Диктатуры пролетариата — нет.

Социализма — нет.

Советов, и тех — нет.

Я могла бы здесь последовательно мотивировать каждое «нет», но это лишнее: разве в листках моего дневника не достаточно доказательств? Да и нужны ли словесные доказательства тем, кто *хочет* верить лжи?

Нет, я предложила бы иное... (Я знаю, знаю, что это мечты, это мои сказки, которые я сама себе рассказываю, сидя в холодной банке с науками, сидя безгласно и слепо... Но пусть. Эти сказки все же трезвее действительности.)

Мне хотелось бы предложить рабочим всех стран следующее. Пусть каждая страна выберет двух уполномоченных, *двух* лиц, честности которых она бы верила (или ни в одной стране не найдется и двух абсолютно честных людей?). И пусть они поедут *инкогнито* (даже полуинкогнито) в Россию. Кроме честности нужно, конечно, мужество и бесстрашие, ибо такое дело — подвиг. Но не хочу я верить, что на целый народ в Европе не хватит двух подвижников.

И пусть они, вернувшись (если вернутся) скажут «всем, всем, всем»: есть ли в России революция? Есть ли диктатура *пролетариата?* Есть ли сам пролетариат? Есть ли «рабоче-крестьянское» правительство? Есть ли хоть что-нибудь похожее на проведение в жизнь принципов «социализма»? Есть ли Советы, т. е. существуют ли в учреждениях, называемых Советами, хоть тень выборного начала?

В громадном НЕТ, которым ответят на все эти вопросы *честные* люди, *честные* социалисты, вскроется и коренной, основной абсурд происходящего.

Пока он не вскрыт, пока далекие рабочие массы и социалистические партии верят плакатам, которыми большевики завесили границу России (я говорю о верящих наивно, а не о тех, кто ради собственного интереса, личного властолюбия и т. д. притворяется, что верит) — пока это так — до тех пор бесцельно осведомляет о тех фактах русской жизни, которых большевики скрыть не могут. Они оправданы:

«Террор — но ведь революция!»

«Поголовный набор, принудительный — но ведь на «Советскую власть» нападают, принуждают воевать!»

«Голод и разруха,— но ведь блокада! Ведь буржуазные правительства не признают «социализма».

«Все нищие,— но ведь равенство!»

(Равенства тоже нет, ибо нигде нет таких богачей, таких миллиардеров, как сейчас в России. Только их десятки — при миллионах нищих).

«Уничтожение науки, искусства, техники, всей культуры вместе с их представителями, интеллигенции,— но ведь диктатура пролетариата! Все это — наука, искусство, техника,— должно быть пролетарским, а интеллигенция, кроме того,— контрреволюционеры!»

«Нет свободы ни слова, ни передвижения, и вообще никаких свобод, все, вплоть до земли, взято «на учет» и в собственность правительства,— но ведь это же «рабоче-крестьянское» правительство, и поддержанное всем народом, который дает своих собственных представителей — в Советы!»

Да надо повалить основные абсурды. Разоблачить сплошную сумасшедшую, основную ЛОЖЬ.

Основа, устой, почва, а также главное, беспрерывно действующее оружие большевистского правления *ложь.*

*

И я утверждаю... (следующие две строки не могу разобрать; кажется, о том, что внезапно погас всякий свет и не могу кончить запись сегодняшнего дня). <...>

24 декабря 1919 года З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский выехали из Петербурга, в январе 20-го перешли польскую границу. В эмиграции жили в Париже. Похоронены на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

«У МИКРОФОНА — АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ...»

Из выступлений поэта в передачах радиостанции «Свобода» *

6 декабря 1974

В этот день, много лет назад, сорок уже почти лет, была опубликована так называемая «сталинская конституция»... И вот под солнцем этой «сталинской конституции» происходили все чудовищные беззакония, о которых теперь узнал мир... Этот день (5 декабря) — как бы напоминание о том, что есть на самом деле так называемая советская власть.

Информационная программа «События и люди». Заметка «О демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1974 года»

29 декабря 1974

Я продолжаю верить, что... наша страна в итоге не погибнет, я не верю в добрые намерения властей, но я верю, что... пусть не на моем веку... страна рано или поздно должна найти в себе силы, чтобы пойти по человеческому пути...

...Некоторое время тому назад... в 68—69-х годах очень страшных, годы, прошедшие под знаком Чехословакии, мы все-таки еще пытались как бы затеять разговор, мы ждали ответов, мы ждали какой-то реакции. Уже года с 70-го мы поняли, что реакции не будет, что мы говорим в пустоту... Мы на это шли открыто, мы понимали, с чем мы имеем дело, как выбрали эту судьбу и мы вовсе не призывали к тому, чтобы это делали остальные. Это дело уже совести, какой-то уже позиции, занятой тобою, и мы абсолютно уважали тех, кто отказывался от подобных интервью, мы не считали их людьми, скажем, второго сорта...

«Интервью об интервью» **

11 февраля 1975

...Было время, когда всю огромную территорию Советского Союза покрывала, как панцирь, как льды во время ледникового периода,— покрывала белая раковая опухоль, белые пятна обледенения — страха. Боялись все, боялись колхозники и рабочие, боялись интеллигенты и чиновники. И если чем-нибудь особенно примечательным в истории Советской страны, Советского Союза, России, и останутся шестидесятые-

* 24 августа 1974 года на радио «Свобода» появилась новая рубрика — «У микрофона Галич...». Последняя передача была записана 15 декабря 1977-го, за несколько часов до трагической гибели поэта.

Недавно один из сотрудников РС Юлиан Панич собрал магнитофонные записи выступлений, расшифровал их и (вместе со своими коллегами Сергеем Юрьененом и Ариадной Николаевой) выпустил книгу «У микрофона Александр Галич» (RFE/RL and Hermitage, 1990. USA). Благодарим Ю. Панича за любезное разрешение опубликовать на наших страницах фрагменты книги.

** Речь идет об интервью, данном А. Галичем журналу «Шпигель» (1973, № 38) еще в Москве, в связи с выдвижением А. Д. Сахарова на Нобелевскую премию (Галич был одним из выдвигавших).

семидесятые годы, это, пожалуй... таяние этих ледовых покрытий на территории Советского Союза. И, пожалуй, первым среди тех, кто помог этому процессу, кто возглавил этот процесс уничтожения страха, был — Александр Исаевич Солженицын.

Беседа «Годовщина изгнания Солженицына»

23 августа 1975

Здравствуйте, дорогие друзья! В передачах, посвященных путешествию в Америку, я вам рассказывал о том, как трудно протекал наш полет из Европы в Соединенные Штаты, о том, как нас болтало над океаном, как мы все боялись, и вот я помню, для того, чтобы немножко отвлечься от страха, я пытался сочинить песню о полете в Америку. Но дальше первой строфы дело не пошло, а первая строфа была такая:

Это будет рассказ, как летают в Америку,
Без особых хлопот с получением виз.
Но сперва мы приедем к Покровскому скверику
И оттуда пешком по Колпачному вниз.

Я вспомнил путь, который многие из нас прошли, по которому многие еще сегодня ходят «по Колпачному вниз», туда, к зданию, к двухэтажному зданию ОВИРа, где решается судьба.

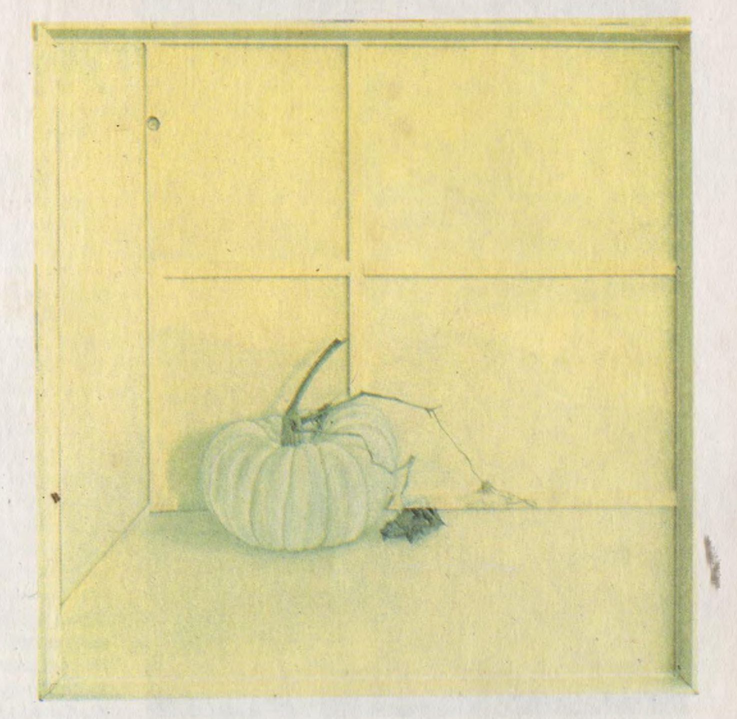
Я получил повестку после двух безуспешных попыток добиться разрешения временно поехать в гости в Норвегию, а потом поехать в гости в Америку... с предложением прийти в ОВИР к двенадцати часам дня в кабинет такой-то. И все собравшиеся у меня мудрецы, все уже умудренные опытом хождения в ОВИР за получением визы, стали рассматривать эту повестку, чуть ли не нюхать ее, и все удивлялись, почему мне именно назначено двенадцать часов, потому что такого правила обычно в повестках не существует. Пишут — в такой-то день явитесь в такой-то кабинет.

Я доехал до Покровского скверика и спустился по Колпачному вниз к зданию ОВИРа, показал свою повестку милиционеру. Он сказал мне: «Идите наверх». Я гордо пошел наверх, видя, как остальные там сидели у дверей кабинета начальника ОВИРа полковника Золотухина, который вызывает людей, чтобы сообщить им об отказе.

Я поднялся наверх, меня встретила известная всем красавица овировская — Маргарита Николаевна Кошелева. Она взяла у меня повестку и сказала: «Спустимся вниз». Тут у меня упало сердце, «спустимся вниз» — это плохо. Она привела меня и посадила у кабинета Золотухина, что было совсем уже плохо. Я сидел в очереди, какие-то люди обращались ко мне и говорили: «Какая у вас очередь?» Я говорил: «У меня никакой очереди». Ну, начался немедленно немножко одесский бедлам, то есть: «Как это — никакой очереди? Мы сидим, почему это у вас никакой очереди?!» В это время по радио раздался голос, строгий голос: «Старшина, ко мне!» И старшина прошел в кабинет Золотухина. Потом он вышел и снова вошел в зал, гремя ключами, и отпер дверь какого-то кабинета. Потом по радио раздался голос: «Гражданин Галич, пожалуйста!» И я, вызывая ненависть всех окружающих, прошел в кабинет Золотухина. Там находился он сам, Маргарита Николаевна Кошелева и еще какой-то человек с такой стертой внешностью, что сегодня я описать его бы затруднился, не смог. Золотухин сказал, что мне отказано, мне не дано разрешения на выезд. Я сказал:

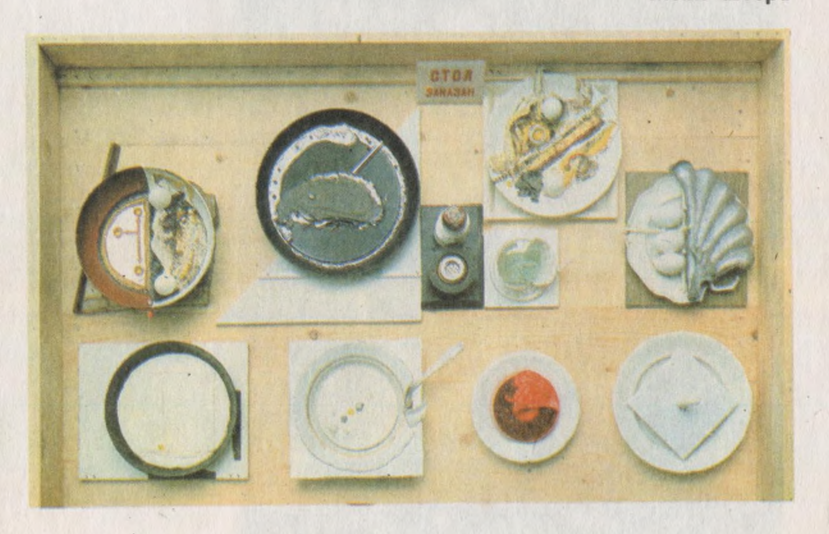
— Спасибо.

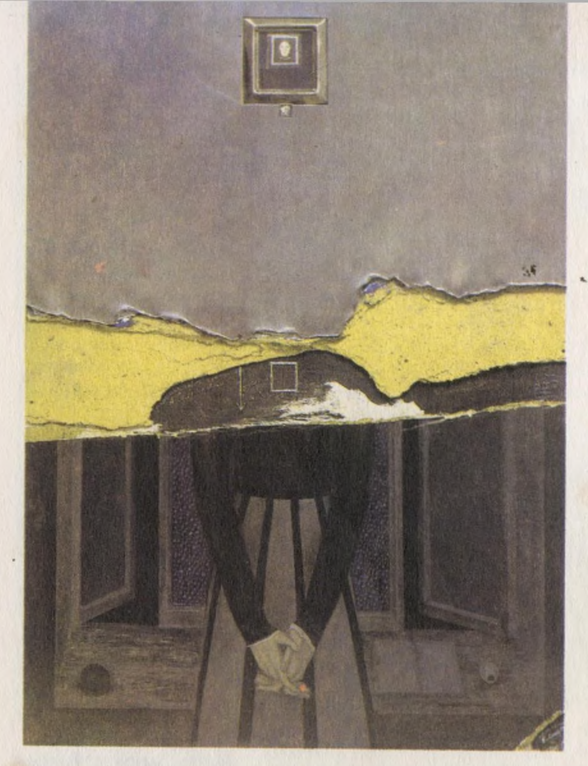
И задал тоже довольно обычный вопрос:

Натюрморт с тыквой

Меню автора

Этюд по истории искусства. Посвящается художнику А. Ситникову

«Московское время 23 часа...»

— Кому я могу на вас пожаловаться?

Он обычно, с обычной улыбкой ответил мне:

— На нас жаловаться бесполезно, но можете писать в Президиум Верховного Совета.

Я сказал:

— Спасибо.

И тут он задержал меня, сказал:

— Так вам ведь, вероятно, интересно узнать, по каким мотивам вам отказано?

Я сказал:

— Да, мне было бы интересно узнать.

Золотухин указал на этого безликого человека, сидевшего рядом с ним за столом, и сказал:

— Вот товарищ специально приехал с тем, чтобы поговорить с вами и объяснить вам.

Я сказал:

— Слушаю вас.

Но товарищ сказал:

— Нет, вы знаете, тут мы будем мешать товарищу Золотухину, давайте пройдем в другую комнату.

И мы вышли из кабинета Золотухина и прошли в ту, заранее отпертую комнату, которую открывали у меня на глазах. Туда же пришла Кошелева. Мы сели втроем. Мы мирно закурили, и человек со стертым лицом сказал мне.

— Вот вы хотите выехать за границу с советским паспортом. Ну как же мы можем позволить выехать за границу с советским паспортом, когда вы здесь у нас в стране занимаетесь враждебной пропагандой, а вы хотите, чтобы мы вас отправили за границу как представителя Советского Союза.

Я сказал:

— Понимаете, теперь мне все понятно. Благодарю вас.

Помолчав, он сказал:

— Но у вас есть еще другой выход.

Я спросил:

— Какой?

Он сказал:

— Вы можете подать заявление на выезд в Израиль, и я думаю, что мы вам дадим разрешение.

Я сказал:

— Собственно говоря, вы мне предлагаете выход из гражданства?

Он сказал:

— Я вам ничего не предлагаю, я просто говорю о том, что есть такая возможность.

Потом мы распрощались.

Я не помню лица этого человека, но разговор этот я запомнил, пожалуй, навсегда, до конца своих дней. И после этого свидания я написал песню, которая называется «Песня об Отчем доме» *.

24 мая 1975

...Сегодня я собираюсь в дорогу — в дальнюю дорогу, трудную, извечно и изначально горестную дорогу изгнания. Я уезжаю из Советского Союза, но не из России! Как бы напыщенно ни звучали эти слова — и

---

* См.: Горизонт. 1988. № 5.

даже пускай в разные годы многие повторяли их до меня,— но моя Россия остается со мной!

У моей России вывороченные негритянские губы, синие ногти и курчавые волосы — и от этой России меня отлучить нельзя, никакая сила не может заставить меня с нею расстаться, ибо родина для меня — это не географическое понятие, родина для меня — это и старая казачья колыбельная песня, которой убаюкивала меня моя еврейская мама, это прекрасные лица русских женщин — молодых и старых, это их руки, не ведающие усталости,— руки хирургов и подсобных работниц, это запахи — хвои, дыма, воды, снега, это бессмертные слова:

Редеет облаков летучая гряда!
Звезда вечерняя, печальная звезда...

И нельзя отлучить меня от России, у которой угрюмое мальчишеское лицо и прекрасные — печальные и нежные — глаза говорят, что предки этого мальчика были выходцами из Шотландии, а сейчас он лежит — убитый — и накрытый шинелькой — у подножия горы Машук, и неистовая гроза раскатывается над ним, и до самых своих последних дней я буду слышать его внезапный, уже смертный — уже оттуда — вздох.

Кто, где, когда может лишить меня этой России?!

В ней, в моей России, намешаны тысячи кровей; тысячи страстей — веками — терзали ее душу; она била в набаты, грешила и каялась, пускала «красного петуха» и покорно молчала — но всегда, в минуты крайней крайности, когда казалось, что все уже кончено, все погибло, все катится в тартарары, спасения нет и быть не может, искала — и находила — спасение в Вере!

Меня — русского поэта — «пятым пунктом» отлучить от этой России нельзя!

«У микрофона Галич...» «Генеральная репетиция» *

2 мая 1976

...Мне кажется, что чувство благодарности — это одно из самых прекрасных чувств человеческой души... И поговорить мне с вами захотелось о поэзии...

...Однажды в одной московской компании я задал провокационный вопрос. Я сказал,— ну вот, друзья мои, мы говорим с вами о поэзии, о стихах, часто обсуждаем их, часто говорим: это стихи, это не стихи. И обычно как-то понимаем друг друга с полуслова. А вот как сделать так, чтобы человек, не привыкший употреблять поэзию, не знающий, что это такое, не привыкший ее слушать, читать, как бы объяснить ему разницу между поэзией и непоэзией, между одной строфой, написанной в рифму, но где одна строфа — поэзия, а другая — нет.

В качестве примера темы для этого спора я привел два четверостишия:

Вот иду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги,
Ангел мой, ты видишь ли меня...

Это стихи одного из величайших поэтов 19 века Федора Ивановича Тютчева... А вот стихотворение, написанное совершенно точно таким же размером, в том же ритме...

* Фрагмент из книги, законченной в Москве в 1973 году.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша
На высокий на берег крутой...

«У микрофона Галич...» Цикл «Благодарения»

22 мая 1976

...Он оказался в Мюнхене в дни Олимпиады. Был свидетелем страшного, потрясшего весь мир убийства израильских спортсменов и был приглашен на студию, пробно, так сказать, для того, чтобы прочесть Нобелевскую лекцию Солженицына. И вот тогда под утро (а работать ему над этой передачей пришлось от зари до зари) ему пришла в голову та нехитрая мысль, которая, к сожалению, приходит в голову далеко не всем: что есть дела на этой планете поважнее, чем устройство своей личной судьбы, что приехали сюда на Запад, как выражались представители первого поколения эмиграции двадцатых годов, «приехали мы сюда не как изгнанники, а как посланники».

«У микрофона Галич...» О Юлиане Паниче

25 мая 1976

Однажды в поезде, во время своих бесчисленных поездок, в ночном поезде я задал себе вопрос: а как нам, людям, живущим в невольном, в добровольном, а иногда не совсем добровольном изгнании, как нам относиться к той стране, где мы родились? И я подумал: с благодарностью. С благодарностью, потому что власть и Россия — это не одно и то же. Советская Россия — это просто бессмысленное сочетание слов. Мы родились в России, которая дала нам прекраснейший язык, которая подарила нам великолепные, удивительные мелодии, которая дала нам великих мудрецов, писателей, страстотерпцев. Мы должны быть благодарны своей стране, своей родине за воздух ее, за ее прекрасную природу, за ее прекрасный человеческий облик, удивительный человеческий облик...

«У микрофона Галич...» Цикл «Благодарения»

5 июня 1976

...Где-то в конце 60-х годов меня заинтересовала литература философского и религиозного содержания. Я жадно читал все, что можно было достать, и вот среди самиздатской литературы этого толка мне попалась работа священника отца Александра (называть его фамилию я не буду, знающий догадается, для незнающих фамилия не имеет значения). И когда я читал работы этого отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл «качеством присутствия».

Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исайи и поражался тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а пишет как свидетель, как соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исайя. Он слышал его, он шел рядом с ним по улице. И вот это удивительное «качество присутствия», редкое качество для историка и писателя, и необыкновенно дорогое, оно отличало все работы этого священника отца Александра.

Тогда я в один прекрасный день решил поехать и просто посмотреть на него...

Я простоял службу, прослушал проповедь, а потом вместе со всеми молящимися я пошел целовать крест. И вот тут-то случилось маленькое чудо. Может быть, я тут немножко преувеличиваю, может быть, чуда и не было никакого, но мне в глубине души хочется думать, что все-таки это было чудом. Я подошел, наклонился, поцеловал крест. Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: «Здравствуйте, Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали». Я повторяю, что, может быть, чуда и не было. Я знаю, что он интересовался моими стихами. Но где-то в глубине души до сегодняшнего дня мне по-прежнему хочется верить в то, что это было немножко чудом... *

«У микрофона Галич...» Цикл «Благодарения»

8 июня 1976

...Самиздат больше тревожит власть имущих, власть предержащих и наше так называемое литературное начальство даже не содержанием своим. Он их тревожит критерием степени мастерства... Те философские работы, которые появляются в самиздате, говорят тем языком, которого вы не прочтете ни в какой официальной философской литературе. Повышается уровень, до которого этим литературным чиновникам не дотянуться. Их он тревожит иногда даже больше, чем то, в сущности, о чем написана работа... Устанавливается, как когда-то писал Шкловский, «гамбургский счет», и по этому гамбургскому счету выясняется, что таких-то писателей не существует...

Программа «Культура, события, люди» **

4 июля 1976

...С днем рождения, Америка! Удивительная, огромная, могучая страна! Тебе исполняется двести лет. Пожалуй, нет в новейшей истории документов, которые бы имели в жизни всего человечества такое огромное значение, как документы, которые появились именно в этой стране. Я имею в виду Билль о Правах Человека и Декларацию Независимости. И может быть, одним из самых незначительных следствий этих замечательных документов является то, что сегодня я имею возможность по радио, из-за рубежа, разговаривать с вами, мои дорогие друзья, мои дорогие соотечественники!..

Америка... Самая молодая страна среди могучих держав. Мальчишка среди взрослых! Мальчишка, который учит иногда взрослых уму-разуму. Мальчишка, который очень любит, как все мальчишки, слово «самое». Помните, в первой драке Тома Сойера он говорит своему противнику: «У меня есть брат, он *самый* сильный». Америка очень любит это слово... И вот в этом *самом* живет тоже прекраснейшее детство с его наивным и озорным хвастовством...

«Моя Америка». К 200-летнему юбилею Соединенных Штатов Америки

16 октября 1976

...О русской речи, о той великой, могучей, необыкновенной в своих средствах выразительности; русском языке, которым просто не устаешь

---

* В 1988 году о. Александр Мень рассказал:

«...Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви. Я сразу узнал его, хотя фотографий не видел...

После совершения таинства мы сидели у меня, он читал свои стихи. И как-то по-особенному прозвучал его «Псалом» о том, как человек искал «доброго Бога»... В своем пронзительном стихотворении «Когда я вернусь...» Галич не случайно назвал наш маленький храм своим «единственным домом».

восхищаться. Ведь он пришел к нам в детстве. Помните, когда мы впервые прочли сказку «О царе Салтане», не знаю, как вас, а меня, еще мальчика маленького, вдруг ударило в самое сердце, когда я услышал такие слова: «Ты волна моя, волна, ты гульлива и вольна». Черт возьми!.. Лев Толстой сказал когда-то: «Нравственность человека определяется его отношением к слову». Да вы подумайте, какой же нравственностью мог обладать человек, написавший слова постановления Центрального комитета партии «О мерах по дальнейшему улучшению руководства развитием советского кинематографа»!..

...Я поэт, я не могу не любить язык, который является не только моим орудием, но и оружием, язык — это удивительное средство выразительности. И не дать превратить его в орудие насилия — это наша с вами задача; противопоставить этому официальному, собачьему, чудовищному языку, лишенному мысли и эмоций, живой родник русской народной речи...

«У микрофона Галич...» «О русском языке»

7 февраля 1977

...Сорок лет тому назад весь мир готовился отмечать столетие со дня трагической гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина... Тогда же родился такой забавный анекдот. Комиссия заказала к этому памятному дню архитекторам, скульпторам памятник Пушкину. Был представлен проект... Пушкин в опущенной руке держал книгу своих сочинений. Комиссия сказала, что в общем это неплохо, но как-то нету прямой связи с современностью. Хотелось бы как-нибудь осовременить памятник. «Ну, вот, предположим,— сказал один из членов комиссии,— стоит Александр Сергеевич Пушкин и держит в руках «Вопросы ленинизма», книгу Сталина. Это уже, понимаете, связь прошлого с настоящим». Комиссия сказала: «Это не очень убедительно и немножко фантастично. А может быть, сделать так: стоит Сталин, Иосиф Виссарионович, и держит в руках том Пушкина». Подумали. Сказали: «Да, это неплохо, но в этом есть что-то неестественное. А что, если сделать так: стоит Иосиф Виссарионович Сталин и держит в руках книгу «Вопросы ленинизма»?..»

...Это анекдот. Прошло сорок лет. И вот в «Литературной газете» от 19 января 1977 года на первой странице помещена статья под заглавием «День памяти великого русского писателя», речь идет о Льве Николаевиче Толстом. И приложена к этой статье фотография Леонида Ильича Брежнева, делающего запись в книге посетителей Дома-музея Толстого в Ясной Поляне...

Программа «Культура, события, люди». «Об одной фотографии в «Литературной газете»

23 апреля 1977

...Дело было в Ялте... Я жил тогда в Доме творчества писателей на горе. Днем мы спускались с друзьями на пляж... Несколько лавочек, в которых в основном торгуют изделиями из ракушек и открытками с видом Крыма, и художественный салон... Салон, прямо скажем, особенными шедеврами не блещет: это плохие копии васнецовской «Аленушки» и его же «Трех богатырей» и портреты выдающихся деятелей советского государства... Жаркий, очень жаркий солнечный день. Мы у витрины этого художественного салона. Центральное место занимает портрет Никиты Сергеевича Хрущева. Яркие лучи солнца падают на этот порт-

рет, и мы видим почти с мистическим ужасом, что портрет вспотел — крупные капли пота покрывают лицо Хрущева... Но это бы еще ничего, но мы заметили, что на лице проступают черные усы. Мы зашли внутрь, спросили, где директор, нам показали на какую-то комнату, мы зашли — сидел маленький человек, вдребезги пьяный. Мы сказали: «Слушайте, если вы не хотите, чтобы у вас были крупные неприятности, мы вам советуем немедленно снять портрет Хрущева». Он посмотрел на нас довольно мутными глазами и сказал: «А что, уже?» Мы сказали: «Нет, нет, еще не «уже», но вот вы пойдите и взгляните, что происходит с этим портретом, вы поймете, что его нужно немедленно снять». Он вышел вместе с нами на улицу... схватился за голову: «Я ж им говорил — Хрущева на Маленкове!» Потом он снял собственноручно портрет и долго пожимал нам руки... Мы, заинтересованные фразой «Хрущева на Маленкове», спросили, в чем дело. «Это у нас артель художников тут работает... трафаретчики, конечно... А у нас много скопилось, знаете, сталиных, кагановичей... не пропадать же холстам. Я им говорю: не надо Хрущева на Сталине или Кагановиче, они с усами... А с усами которые — тех давайте на Буденного переделывайте...»

«Песни с комментариями». «После вечеринки»

27 июня 1977

...Есть люди, с которыми можно идти в разведку, но нельзя ходить на профсоюзное собрание. К сожалению, это так. Но были и другие, были действительно люди героической жизни, вроде генерала Петра Григорьевича Григоренко, человека, проявившего мужество и в военное время, и в гражданской жизни. И самое смешное, самое грустное и самое отвратительное, что их — этих людей — топтали, осуждали, «разоблачали» те, которые всю войну отсиживались на разных теплых местах, дезертиры вроде Кочетова или Аркадия Васильева, которые исключали фронтовиков из Союза, из партии...

«У микрофона Галич...» «22 июня»

28 декабря 1974

Здравствуйте, дорогие друзья! Поздравляю вас с наступающим Новым годом!

Скоро, очень скоро, тридцать первого числа, в десять часов, в двадцать два часа по среднеевропейскому времени, я подниму бокал за ваше здоровье, за ваше счастье, за то, чтоб вы тоже помнили меня так, как помню вас я, не забывая ни на один день, ни на один час!

В эти дни у меня свой особенный, личный юбилей. Дело в том, что в эту рождественскую пору, три года тому назад, я был исключен из Союза советских писателей *. Исключение это происходило во время праздничного предновогоднего базара в Доме литераторов, а на втором этаже, в знаменитом Дубовом зале, или, как его еще по старинке называют,— в Дубовой ложе, происходило заседание секретариата, на котором я был исключен. Так начался мой путь в изгнание.

Здесь уже, в аудитории друзей, мне задали вопрос о том, как все это было, и я рассказал им. Я хотел бы, чтоб вы послушали этот мой рассказ.

Это было очень интересно. Меня вызвали неожиданно, было это в общем довольно любопытно, потому что это было все обставлено, как

* Истории исключения из Союза писателей — традиционный жанр нашего «Горизонта», поэтому мы не могли не обратить внимания на эту передачу.— *Ред.*

в детективных романах. Меня вызвали неожиданно в Союз писателей, к такому секретарю, «освобожденному»... некоему Стрехнину, в прошлом особисту, работнику Особого отдела, армейского. И он стал со мной беседовать, причем я совершенно ничего не понимал, зачем он меня потревожил. Он так и говорил:

— Извините, Александр Аркадьевич, что вот потревожили вас в рабочее время. У нас вообще это не принято, мы писателей не трогаем, понимаете, но тут вот какое-то недоразумение в вашем персональном деле. Вы знаете, мы не знаем, над чем вы сейчас работаете. Нам бы хотелось просто узнать, что вы делаете.

Ну, я ему сказал, что вот я, мне было предложено, и я пишу сейчас сценарий о войне. Вернее, о самом последнем дне войны. Он сказал:

— Это очень интересно, вы знаете, это очень... Я ведь, знаете, болею за военную тему, так что — вы не возражаете? — я приглашу еще одного секретаря, Медникова. Он тоже очень интересуется военной темой.

Я говорю:

— Нет, почему же, чего же я должен возражать, пожалуйста.

Значит, вошел Медников. Но Медников, это... вы знаете, вероятно, это знаменитое выражение Шолома Алейхема по поводу зимних и летних дураков — зимний дурак должен войти и снять шубу, галоши, шапку и размотать шарф, и только тогда видно, что он дурак; а летний, он так входит, что сразу видно, так нечего ему снимать, все натурально. Так вот, Медников — он вот такой летний дурак. Он как вошел в дверь, так и сказал:

— Ну как, установили, его это книжка или нет?

Стрехнин так поморщился, сказал:

— Ну, Анатолий Михайлович, мы еще к этому вопросу перейдем. Мы сейчас выясняем с Александром Аркадьевичем, над чем он работает.

Я, уже понявши, в чем дело, говорю:

— Ну, что вас интересует, что это моя книжка? Да, моя книжка.

— Да,— он говорит,— да вот, понимаете, книжка. Как же это так получилось?

Я говорю:

— Так вы же меня не издаете.

Он говорит:

— Да-да. Тогда вы знаете, я вынужден попросить еще одного секретаря зайти сюда, такого Виктора Николаевича Ильина.

...Пришел Виктор Николаевич Ильин,— это генерал КГБ, генерал-лейтенант Комитета государственной безопасности, который ведает писателями... Он сказал:

— Знаете, Александр Аркадьевич, я чувствую, что мы с вами не договоримся,— он сказал это сразу, входя, хотя мы еще с ним разговора и не начинали,— и давайте, вот у нас послезавтра будет секретариат расширенный, мы на нем обсудим ваше персональное дело, так что давайте вот, приходите. Только зачем вы курите, ведь у вас же плохое здоровье, я слышал, у вас сердце болит.

Я говорю:

— Да.

— Ну, не надо же курить, зачем? Неужели вы не можете взять себя в руки, перестать курить. Прямо как маленький вы какой-то, странный человек. Значит, вот послезавтра приходите на секретариат.

Ну так, все уже было относительно ясно. Я пришел на секретариат, где происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали — это так положено, это воровской закон — все должны быть в

замазке и все должны выступить обязательно, все по кругу. Но там были... там тоже происходили всякие смешные неожиданности.

Скажем, такой знаменитый стукач Лесючевский, которого в пятьдесят шестом году собирались выгнать из Союза, когда была раскрыта его плодотворная деятельность в сталинские годы в качестве провокатора и доносчика. Ну, потом его не выгнали, сохранили, он сделался директором издательства «Советский писатель» и членом секретариата. Так вот этот Лесючевский, он пришел позже, с середины примерно уже всего этого самого аутодафе, а в первой части, как раз когда Стрехнин докладывал мое дело, он сказал такие фразы:

— Вот, в шестьдесят восьмом году Галичу было не рекомендовано (это чтоб не говорить, что запрещено) выступать публично. И он, как бы издевательски, это наше предложение выполнил, но он же выступал по домам, по квартирам. Все равно там стояли магнитофоны, люди записывали его песни, они расходились, так что пропаганда, антисоветская пропаганда продолжалась. И он все равно, это же неважно, выступал он в большом зале или маленьком, он все это делал.

Лесючевский на эту часть доклада опоздал, он пришел значительно позже, и он начал свое выступление, а рядом с ним сидел Грибачев. Вообще компания была удивительно прекрасная. Вот Лесючевский опоздал, и он начал свою речь с пафосной ноты, он сказал:

— Вы знаете, до чего же измельчали идейные противники. Ну, я бы уважал Галича, если бы он вышел открыто, на публику, спел бы свои песни...

Его толкают в бок — Грибачев. Он говорит:

— Коля, чего ты меня толкаешь, в чем дело?

...В общем, была небольшая заминка, потом как-то ее залакировали, и потом было четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Это были: Валентин Петрович Катаев, Агния Барто — поэтесса, такой писатель-прозаик Рекемчук Александр и драматург Алексей Арбузов,— они проголосовали против моего исключения, за строгий выговор. Хотя Арбузов вел себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы), он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы, они не дают ему права и возможности поднять руку за мое исключение. Вот. Они проголосовали против. Тогда им сказали, что нет, подождите, останьтесь. Мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну, они насторожились, они ясно уже решили — сейчас им расскажут детективный рассказ, как я, где-нибудь туда, в какое-нибудь дупло прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но... но им сказали одно-единственное, так сказать, им открыли. Им сказали:

— Видите, вы, очевидно, не в курсе,— сказали им,— там просили, чтоб решение было единогласным.

Вот всё, что им открыли, дополнительные сведения, которые они получили. Ну, раз там просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо уважить. Просьбу уважили, проголосовали, и уже все были за мое исключение. Вот как это происходило.

После тоже, так сказать, уже почти фарсово шло... Я был болен, лежал. Это было через несколько месяцев... Мне позвонили из Союза кинематографистов и сказали, что меня вызывают на секретариат. Я сказал, что я не могу прийти. Говорят:

— Ну как же ты не можешь? Такой важный вопрос обсуждается. Мы не можем без тебя.

Я говорю:

— Нет, ничего не могу сделать.

— Значит, тогда нам придется отложить.

Я говорю:

— Откладывайте, если можете откладывать.

Но через два дня они позвонили и сказали, что не могли ждать больше, к сожалению, и вот просят передать, что я исключен из Союза кинематографистов тоже.

Вот, дорогие мои друзья, так все это и происходило. С тех пор прошло три года. И мне очень странно, оглядываясь назад, вспоминать эти дни. Я написал о них песню, стихотворение («Мальчик с дудочкой тростниковой».— **Ред.**), которое, кстати, ужасно возмущает Виктора Николаевича Ильина. Он уже, как я знаю, показывал его некоторым заходившим к нему в кабинет,— доставал эти стихи из сейфа и, потрясая ими в воздухе, говорил:

— Вот видите, Галич так ничего и не захотел понять.

Вот, дорогие мои друзья, повторяю, что желаю вам счастливого Нового года. Повторяю, что помню вас! Не забываю вас никогда. Помните обо мне тоже. До свидания.

19 июля 1977

Я только что вернулся из Страсбурга, куда я был приглашен для того, чтобы выступить на собрании молодых христианских демократов, посвященном борьбе за права человека. <...>

Я приехал в Страсбург под вечер, узнал, что этот вечер у участников семинара свободный, и поэтому, естественно, решил воспользоваться этой свободой и отправился осматривать знаменитый Страсбургский собор. Здание это действительно прекрасное, величественное, и мне к тому же еще повезло. Именно сейчас, в июне-июле, в этом соборе устраиваются вечера, которые называются по-английски «light and sound», то есть вечера света и звука.

Вы входите внутрь — необыкновенное, величественное здание, прекрасное здание,— вы садитесь на отполированную скамеечку и... слушаете необыкновенное представление, стереофоническое представление, где вы почти не находите источника звука. <...>

Вот что рассказывает вам «голос собора».

Он рассказывает вам о том, как именно в эти дни мэр Страсбурга, первый революционный мэр Страсбурга, якобинец, первым своим декретом, первым своим революционным актом счел необходимым уничтожить, разрушить собор. И он в этом деле почти преуспел. Были уже разбиты бесценные витражи, были уничтожены десятки статуй, стоявших в соборе, и уже революционно одушевленные граждане собирались приступить к ломке самого собора, как неожиданно одному хитроумцу пришла в голову необыкновенно счастливая мысль. Он пришел к энтузиасту революции, мэру города Страсбурга, и сказал ему: «Послушайте, наш собор — один из самых величественных в Европе, и это одно из самых высоких зданий — вот что важно. Так вот, давайте-ка мы сошьем огромный колпак, красный колпак санкюлота, и водрузим его на макушку собора, на шпиль собора, с тем чтобы все вокруг на много десятков километров видели, что Страсбург — это город революции». И вот эта хитроумная мысль спасла собор!

И я подумал, что в истории этой есть много поучительного и примечательного.

Так вот, кстати, в дни Великой французской революции были уничтожены статуи, украшавшие Собор Парижской Богоматери, обезглавлены, потому что невежественные члены Конвента приняли их за изоб-

ражения французских королей, а это были цари иудейские, предтечи Девы Марии.

Так же на глазах уже нашего поколения, моего поколения, взлетел на воздух Храм Христа Спасителя и были уничтожены замечательные фрески, написанные Нестеровым.

И вот, когда на следующий день я выступал перед участниками семинара, я сказал им о том, что, пожалуй, в нашей борьбе за человеческие права мы должны думать еще и о борьбе за сохранение всего того прекрасного, что создано человечеством, потому что начинается насилие и унижение человеческих прав с того, что сначала разрушаются, сначала оскверняются творения рук человеческих, а затем уже начинают уничтожать самого человека, потому что это — наше достояние, это — наша человеческая гордость, это создано руками, гением, духом человека.

И недаром насилие, всякое насилие, начинается именно с этого — уничтожения, разрушения наследия, доставшегося ему от его дедов и прадедов.

Публикацию подготовили
Н. КРЕЙТНЕР и Г. МИХНОВ-ВАЙТЕНКО

Юлий Шрейдер

СЛОВО ОБ о. АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ

Впервые я встретился с отцом Александром зимой 1969/70 года. Как-то вечером Юрий Павлович Тимофеев, тогдашний заведующий отделом коммунистического воспитания «Литературной газеты», попросил срочно к нему прийти. У него в гостях уже был отец Александр Мень, с которым они перед этим снимались в фильме режиссера Михаила Калика «Любить», где вели дискуссию о том, что такое любовь. И это не была дискуссия враждебных голосов. Юрий Павлович считал себя верующим, но этого много читавшего, понимавшего глубинный смысл религии человека скорее можно было бы назвать просто склонным к ней. Пригласил он отца Александра и меня для того, чтобы участвовать в крещении его дочери Ксении. И действительно, отец Александр окрестил ее, а меня взяли крестным отцом.

Позже я пытался осмыслить эту встречу, это посещение, и мне оно напоминало посещение Иисусом фарисеев, очень благорасположенных фарисеев, таких, как Никодим, но тем не менее не готовых оставить все и пойти за учителем. Посещение отца Александра было посещением пастыря, который понимал, что в его пастырском служении нуждаются все. Не только люди, определившиеся в отношении к христианству, безоговорочно принявшие и бремя веры, и радость, кото-

---

Юлий Шрейдер — профессор, доктор философских наук, председатель московского католического клуба «Духовный диалог».

Данная публикация — запись выступления для радио Ватикана в первые дни траура по отцу Александру.

рую она дает. Он служил всем, вернее, одному — главе нашей церкви Иисусу Христу, но это служение обязывало его обращаться ко всем. И мне кажется, что главная черта отца Александра — та, что он великий пастырь.

Он принадлежал к числу тех немногих иереев православной церкви, которые начали активно заботиться о том, чтобы Церковь обрела свою прежнюю значимость. Ведь, как известно, в результате страшных гонений на нее, в том числе и в хрущевские времена, изменился состав прихожан, это были так называемые церковные старушки, люди, выпавшие из социально активной сферы. Велика заслуга этих людей. Они сохранили церковную традицию, они дали возможность Церкви пережить тяжелейшие времена и сохраниться. Быть может, они сделали для этого больше, чем кто-либо иной. Но Церковь должна представлять все слои общества, как бы имея в себе все органы народного тела. Церковь, в которой нет интеллектуальной элиты, нет молодежи, нет просто средней интеллигенции — учителей, библиотекарей, врачей,— она неполна в принципе, она не представляет народ, она только сохраняет заряд церковности в народе. И вот появилось несколько иереев, к числу которых принадлежал и отец Александр, остро ощутивших эту неполноту Церкви. Отец Александр, быть может, наиболее замечательно в этом смысле работал — его похороны показали, насколько органично в его приходе соединились те, кого мы называем «простыми людьми», и интеллигенция вплоть до ее высших слоев. Не случайно духовными детьми отца Александра были Надежда Яковлевна Мандельштам, поэт Николай Панченко, композитор Николай Каретников; он крестил Александра Галича и многих других людей, известных в нашей стране, в ее культуре.

Отец Александр был один из тех нескольких пастырей, которые начали вводить в Церковь те слои, которые раньше отношения к церкви практически не имели. Возможно, кто-то из них хранил остатки наследственной религиозности, воспоминание о своем православии, но в Церковь не шел, потому что это было сопряжено с опасностью потерять работу, потерять всякую возможность активной социальной деятельности. Кроме того, довольно большой социально активный слой, так называемые диссиденты, были просто далеки от религии и даже считали, что религия — это тоже своеобразная идеология, которая мешает человеческой свободе, а освобождение от идеологии есть как бы одновременно освобождение от религии. Эти люди, конечно, понимали, что опасность внутренней свободе человека в наше время заключалась отнюдь не в христианстве, и тем не менее они жили еще старыми легендами о том, что христианство подавляло свободу человека, что инквизиция боролась с наукой, что наука несовместима с религией и тому подобными бреднями.

Было несколько пастырей, поставивших своей задачей восполнение

церковного тела. Среди них можно назвать такого замечательного человека, как отец Дмитрий Дудко, и такого прекрасного богослова, как отец Сергий Желудков, близкий друг отца Александра. Я помню, с каким скорбным лицом, с каким чувством потери стоял у колонны Елоховского собора отец Александр на похоронах отца Сергия. Это был январь 84-го года. Собор был почти пуст, и мне довелось в числе нескольких близких отцу Сергию людей нести гроб с его телом вокруг стен собора. Так вот отец Сергий направил свою деятельность на группы диссидентов, людей, активно выступавших против существовавшего идеологического давления, против существующей несвободы. Отец Сергий был в большей степени богослов, чем отец Александр, он думал об обновлении Церкви, об обновлении христианства, о привнесении в него новых идей и об усилении влияния христианства на культуру в целом. При всем том отец Александр издал много книг, вот у меня тут, рядышком, лежат семь томов его сочинений, которые мы когда-то читали, когда удавалось получить очередной том из-за границы, несмотря на противодействие современных мытарей-таможенников, которые, в отличие от мытаря евангельского, не бросили свои деньги в дорожную грязь, а делали все, чтобы не пропустить Божье слово в нашу страну. Эти книги доставляли массу радости.

Я горжусь тем, что мне довелось написать рецензии на две из них; они были опубликованы в «Вестнике русского христианского движения» в номерах 120 и 126, к сожалению, под псевдонимом, поскольку подписать их своим именем я не решался в те годы. Сейчас мне немного стыдно того страха, но лишь немного, поскольку основания бояться были. Вместе с тем я радуюсь, что такие рецензии я написал и их хорошо принял сам отец Александр.

И тем не менее я не могу назвать отца Александра богословом в полном смысле, поскольку мне кажется, не это было его доминантой. Он учил читать Священное Писание, он помогал людям войти в контекст религии, в духовную сферу христианства, но не создавал, как мне кажется, своих богословских концепций. И мне странно слышать иногда какие-то упреки отцу Александру в богословской неточности, потому что не в этом была его сила и не в этом была его жизненная задача. И я не берусь оценивать его как богослова, такая оценка — прерогатива Церкви в целом, а не отдельного человека. Думаю, что он был все же как раз весьма и весьма православен в самом точном смысле этого слова. А книги его — не богословские монографии, не исследования в полном смысле этого слова, а инструмент пастырства. Инструмент, позволяющий обращать к Церкви людей из всех слоев общества, в том числе людей грамотных, но у которых могли быть сложности с пониманием текстов, людей, которые относились к Священным текстам, к Священному преданию, к церковным обычаям с некоторым критицизмом, выработанным нашей культурой. В самом критицизме нет ничего дурного, и я убежден, что человек со здравым разумом придет к самому правильному пониманию вещей, придет к Богу. Но я не разделяю мнения, что разум искажается социальными условиями, экономическим положением и так далее; разум в своей основе здоровое начало, надо только не бояться им пользоваться.

Так вот отец Александр и помогал людям, привыкшим следовать разуму, прийти в Церковь, прийти к Богу. И в этом смысле его книги, повторяю, это прежде всего пастырские книги, служащие увеличению и совершенствованию его паствы, приходу людей в Церковь, прежде всего Церковь православную, служителем которой отец Александр был с самого начала до своей мученической кончины.

И это служение признано Церковью: на его похороны пришли многие священнослужители православной церкви, были митрополит Ювеналий и епископ Новгородский, были там и несколько католических священнослужителей. Все они отдали должное служителю православной церкви, который от этой церкви неотделим теперь уже ничем и никак.

В так называемые годы застоя, которые точнее следует назвать годами идеологического прессинга, у отца Александра было мало возможностей развернуть свою деятельность по многим направлениям. И как сказал мне в личной беседе один в высшей степени достойный православный архиерей, чрезвычайно сожалительно, что именно сейчас, когда эта возможность есть, когда появилась воскресная школа, стала возможна публичная проповедь в различных, а не только в церковных помещениях, где она была ограничена, когда возможно обращаться к широкой аудитории с экрана телевизора, с кафедр учебных заведений, с клубной сцены, когда возможно многое и многое и есть к чему приложить силы, и именно в этот момент жизнь отца Александра прервалась, и он уже в этой деятельности участвовать не будет. Он остался с нами навсегда, но уже в иной роли: он смотрит на все происходящее уже из вечности...

Самым интересным в подходе отца Александра к явлениям в его проповедях и книгах, как мне кажется, были поиски путей, как пересечь границу между посюсторонним и тем, что находится в вечности, тем светом, который озаряет все происходящее здесь, в чувственном и умопостигаемом мире. Ему важно было помочь людям увидеть самих себя в перспективе иного мира, в перспективе своего отношения к Христу, в перспективе своей церковной всеобщности, церковной всемирности. И вот эта-то готовность привнести церковное, религиозное начало во все моменты светской, мирской жизни, освящая ее и делая более подлинной, чем она может быть сама по себе, поскольку жизнь без Бога не обладает на земле подлинной реальностью, истинным существованием, это стремление уплотнить существующую жизнь, а не просто увести людей из мира сего в лоно Церкви, стремление освятить мир давали повод обвинять его в как бы псевдокатолицизме. Доходило до смешного.

Летом 1984 года я ознакомился с документом горкома партии, в котором упоминался, цитирую дословно, «прокатолически настроенный священник Александр Мень». Это, конечно, чистый юмор, правда, черный юмор, когда горком партии определяет, кто из священников истинно православный, а кто «прокатолически настроенный» или еще что-нибудь в этом духе. Такое превышение своих полномочий вообще свойственно, или было свойственно, если сказать осторожнее, нашим партийным идеологическим организациям. Не знаю, кто додумался до такой характеристики отца Александра Меня, но, конечно, это была странная формулировка. Православие отца Александра было глубоким. Думаю, будь он менее православным, он не пользовался бы во всем мире, в католическом в частности, столь огромными авторитетом и симпатией. Как ищущий и активно евангелизирующий страну православный священник, он не мог не пользоваться признанием и у католиков тоже.

Мне кажется, главное, чему учил в своих книгах отец Александр,— понимать, что такое Завет. Может быть, именно поэтому он так глубоко интересовался Ветхим Заветом, вестниками Царства Божьего, библейскими пророками, эпохой, непосредственно предшествовавшей явлению Христа в Иудее, что справедливо рассматривал христианство как продолжение Ветхого Завета, как нечто, корнями уходящее в Завет Бога с Авраамом. Ветхий Завет звал к освобождению человека от идолопоклонства, от власти цезаря, он явился импульсом, потребовавшим от человека реализовать свою духовную свободу, реализовать подвиг веры. Не случайно Кьеркегор называл Авраама «рыцарем веры».

Новый Завет продолжил освобождение человека, Иисус Христос своей искупительной жертвой освободил человека от тяжести первородного греха и от самой смерти. Это был новый шаг вперед, но иногда люди Нового Завета забывают о важности и значимости Завета Старого, ведь дело в том, что когда уже есть свобода от смерти, то свобода от идолопоклонства, от давления государства кажется как бы второстепенной. Она действительно является таковой по сравнению со свободой, данной Христом, но она необходима хотя бы для того, чтобы действительно обрести эту свободу, чтобы принять искупительную жертву Христа. Опыт нашего времени показывает, что люди, зависимые от своего служебного положения, от идеологической пропаганды, оказались не в состоянии принять искупительную жертву Христа, отказывались от Христианства, от вечного ради того, чтобы сохранить временное. Ни деньгами, как тот евангельский мытарь, ни состоянием, как тот евангельский молодой богач, ни такими простыми вещами, как возможность работать, быть социально активным, оставаться в мирской жизни, не хотели пожертвовать люди нашего времени ради Христа, ради того, чтобы получить дарованную Христом свободу. И поэтому возвращение к уроку Ветхого Завета сегодня очень важно. И поэтому отец Александр тщательно изучал библейские тексты, комментировал их,

писал книгу «Как читать Библию». Он писал об иудейских пророках как вестниках Царства Божьего, писал и о других религиозных течениях, предшествовавших Христианству. Одна из его книг называется «Магизм и единобожие» *. Это главное противопоставление, через которое он видел и учил видеть монотеизм: веру в Единого Бога. Принятие Бога как духовной свободы, Бога, которым мы не пытаемся манипулировать, а которому смиренно отвечаем на его призыв. Бога, которого мы не пытаемся ублаготворить жертвами или формальным послушанием, но перед которым мы обязаны быть полностью свободными, раскрыть все сокровища духовной свободы, которые у человека есть, которые присущи ему от природы, дарованы Богом.

Сегодня наука и идеология превратились в новую магию, в попытку овладеть природой, изнасиловать ее, построить мир не по Завету Божьему, а применительно к сиюминутным нуждам человека, применительно к тем самым соблазнам, которыми дьявол пытался искушать Христа в пустыне. Летать по воздуху, превращать камни в пищу — эти соблазны проинтерпретировать на сегодняшнем материале ничего не стоит, и я не стану этим заниматься.

Моя рецензия на книгу отца Александра «Вестники Царства Божьего» ** называлась «Откровение в истории». Мне увиделась в этой книге такая главная идея: сама человеческая история есть откровение Бога, Бог является не только в громе и молниях, как верили древние иудеи, не только в иконах и богослужениях, как верим подчас мы, а в самой истории, в тех событиях, которые с нами происходят, которые подсказывают нам, что они могут значить с Божественной точки зрения и что требуют от нас. В истории мы должны учиться видеть призыв Божий служить ему, причем служить именно тем способом, который требует от нас история. Откровение в истории продолжается и сейчас. События, происходящие с нами, тоже выражают волю Бога, Его призыв. Я убежден, что мученическая кончина отца Александра это тоже Откровение в истории, которое мы еще должны прочитать. Что это значит?.. Может быть, это значит, что, несмотря ни на что, не надо бояться.

«Не бойтесь!» — сказал папа Иоанн Павел II, когда впервые обратился к римскому народу на ступенях церкви Святого Петра. «Не бойтесь»,— говорит нам мученическая кончина отца Александра, потому что так легко испугаться, перестать что-то делать для Церкви, для Христа, потому что это страшно, потому что всем нам грозит опасность. Но тем не менее мы слышим явственно вот это «не бойтесь» как первое содержание того Откровения, которое было нам дано в день мученической кончины, 9 сентября 1990 года. Но есть, мне кажется, и второе. Можно понять эту кончину как призыв к мести, как призыв найти убий-

---

* Вторая книга в цикле «В поисках Пути, Истины и Жизни».
** Пятая книга того же цикла.

цу, призыв кого-то покарать. Я думаю, было бы страшно и не соответствовало бы ни воле Божьей, ни вере отца Александра превратить его кончину в повод для разжигания страстей, мстительных чувств, обид. Нужно найти в себе силы, чтобы понять эту смерть как призывающую нас к примирению, к любви. Это очень трудно, но необходимо.

И последнее. Кончина отца Александра — это боль не только его прихода, это боль всего христианства, к которому был так открыт отец Александр. Именно потому, что он был человек глубоко православный, глубоко укорененный в своей конфессии, он мог с таким пониманием относиться и к католичеству, которое является частью всемирной Апостольской церкви вместе с православием. В сущности, католическая ортодоксия это и есть православие, но в своем западном варианте. Речь должна идти не о делении на православную и католическую церковь, но, как мне кажется, правильнее — на разделившиеся восточную и западную ветви, или греческий и латинский обряды в единой Вселенской Православной Церкви. Отец Александр был экуменистом в лучшем смысле слова, не таким, который пытается смешивать все обряды и все конфессии, будучи безразличным к особенностям и особым духовным дарам каждой из них, а человеком глубоко православным и именно поэтому понимавшим духовные сокровища других церквей и конфессий, даже тех, которые он не мог признавать полностью отвечающих церковным требованиям. Я думаю, этому мы могли бы учиться у его жизни, и это делает потерю этого пастыря невосполнимой. Но это не только потеря, и как христиане мы должны это понимать. Это приобретение молитвенника за нас на том свете, это приобретение мученика. Я сейчас ничего не хочу говорить о его канонизации, это было бы неуместно, прошу меня так не понимать, но что отец Александр мученик и молитвенник, это мне представляется очевидным. Любой мученик Церкви, пусть и не причисленный к лику святых, а только воспоминаемый, является еще одним цветком в том венце, который украшает, осеняет единую Христову Церковь, если ее видеть как единую в перспективе Вечности, в перспективе самого Христа.

Вечная память отцу Александру!

Requiem aeternam dona eis Domine
et lux aeterna luceat eis.
Requiescat in pace.

ПОДПИСКА НА «ГОРИЗОНТ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Дорогие друзья!

Если вы не успели оформить подписку
на наш журнал с января, не огорчайтесь,—
она будет идти в течение всего года.
В розничную продажу «Горизонт» будет поступать
в очень малом количестве, поэтому, чтобы
быть его постоянным читателем, вам лучше
обратиться в любое отделение связи
Москвы или Московской области
и по списку-каталогу
московских городских и областных газет,
журналов, еженедельников и бюллетеней
выписать журнал с удобного вам месяца.
Индекс «Горизонта» — 73755.
Цена одного номера — 50 копеек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **5.** Монотип. **7.** Утконос. **9.** «Лес». **11.** Кириллица. **12.** Амфитеатр. **13.** Гид. **14.** Батарея. **15.** Нотация. **16.** Дамба. **19.** Стадион. **22.** «Блокада». **25.** Прогноз. **27.** Трактор. **33.** Гобой. **35.** Номинал. **36.** Санитар. **37.** Иск. **38.** Катамаран. **39.** Репутация. **40.** Ода. **41.** Реактив. **42.** Тахилит.

По вертикали: **1.** Доминанта. **2.** Коулмен. **3.** Полигон. **4.** Горечавка. **6.** Плагиат. **7.** «Усадьба». **8.** Кипарис. **10.** Отливка. **17.** Фобос. **18.** Флора. **20.** Тур. **21.** Дог. **23.** Кок. **24.** Дно. **25.** Пилотаж. **26.** Ординарец. **28.** Типизация. **29.** Регалия. **30.** Собинов. **31.** Домкрат. **32.** Касатка. **34.** Зарубин.